

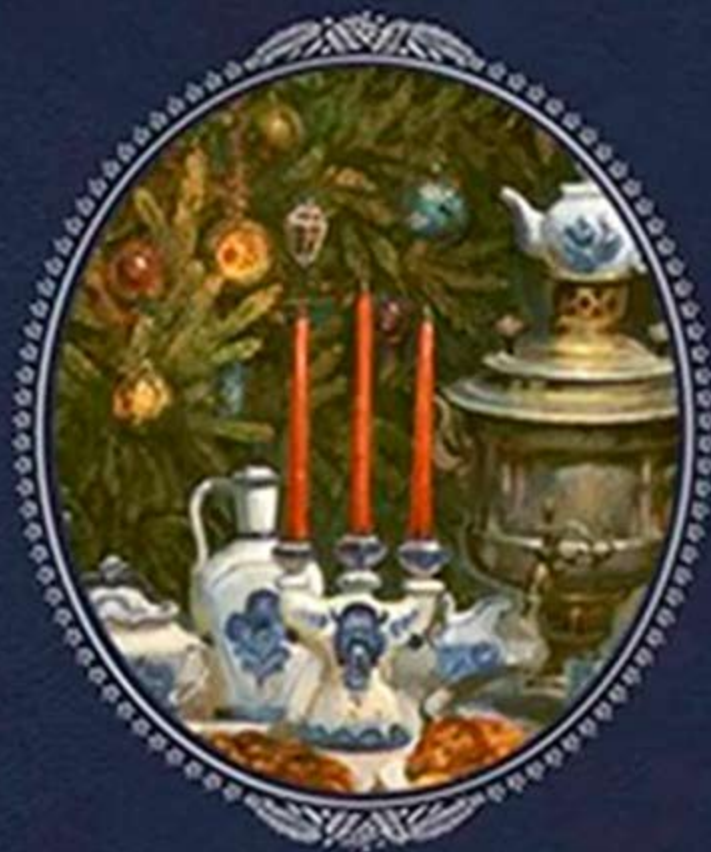
И. БОЖЕРЯНОВ

РОЖДЕСТВО
ХРИСТОВО

НОВЫЙ
ГОД

КРЕЩЕНИЕ
МАСЛЕНИЦА

1894

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ
НАРОД РУССКИЙ
РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО
НОВЫЙ ГОД,
КРЕЩЕНИЕ И МАСЛЕНИЦУ

Съ новымъ
годомъ!

Первая чарка на здоровье
Вторая на веселье
Третья на здоровье.

КАК ПРАЗДНОВАЛ
И ПРАЗДНУЕТ
НАРОД РУССКИЙ
РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО,
НОВЫЙ ГОД, КРЕЩЕНИЕ
И МАСЛЕНИЦУ

Исторический очерк
И. Н. Божерянова

Ламартис ❖ Москва ❖ 2013

Издатели:

ЭДУАРД ЛАШКИН, СЕРГЕЙ МАКАРЕНКОВ

© ООО «ЛАМАРТИС», оформление, переплет, 2013

УДК 27-565

ББК 84-4

Б 76

Иван Николаевич БОЖЕРЯНОВ

**КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ
НАРОД РУССКИЙ РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО,
НОВЫЙ ГОД, КРЕЩЕНИЕ И МАСЛЕНИЦУ**

Дизайн, верстка **АЛЕКСАНДРА ДЕМЮЧВИНА**

Дизайн переплета **ВИКТОРИЯ БАБЕНКО**

Редактор **ЮЛИЯ ЗИНАЧЕНКО**

Технический редактор **ЕЛЕНА КРВЛОВА**

Корректор **АНАСТАСИЯ СПИРИДОНОВА**

Мастера переплета **ОЛЬГА ХАТУНЦОВА,**

ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ

Формат 84x108/32.

Гарнитура «KuzanyanС». Бумага «Modigliani»

ООО «ЛАМАРТИС»

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 35, стр. 2

Изд. лиц. № 03699 от 09.01.2004 г.

Адрес электронной почты: info@lamartis.ru

Сайт в Интернете: www.lamartis.ru

ISBN 978-5-94532-171-7

СОДЕРЖАНИЕ

РОЖДЕСТВО

❖ 5 ❖

НОВОЛЕТНЯ

❖ 51 ❖

КРЕЩЕНИЕ

❖ 69 ❖

МАСЛЕНИЦА

❖ 79 ❖

ГЛОССАРИЙ

❖ 149 ❖

РОЖДЕСТВО

РОЖДЕСТВО

I

День зимнего солнцеворота, т. е. 25 декабря, был днем великого праздника для большей части древних народов как начало зимы. Все эти празднества Древнего мира объясняются возвращением Солнца, которое, взойдя в тропик Козерога, начинает свое восхождение к нашим странам. Поэтому 25 декабря как день рождения Солнца праздновалось под различными именами, присвоенными

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

этому светилу. Персы считают этот день рождением Мифры; египтяне — Озириса; греки называли ночь солнцеворота тройственной ночью и с нее отсчитывали рождение Геркулеса; римляне посвящали эту ночь непобедимому Солнцу, народы Севера называли ее матерью ночей и славили под именем Юле, что значит «поворот, возвращение». В этот день христианская церковь празднует рождение Иисуса Христа. Канун Рождества — 24 декабря есть двадцать четвертый день девятого месяца, потому что в старину евреи начинали год с апреля, как у нас, в России, он начинался когда-то с сентября. Как известно, в этот день, на основании пророчества пророка Аггея, евреи праздновали хануку — освящение храма. Уже во II веке в Египте каждое 26 число девятого месяца вспоминалось и праздновалось Рождество Спасителя. Еще до эпохи Реформации в Германии в этот день каждый дом устраивал у себя райское дерево,

РОЖДЕСТВО

и праздник этот стал, так сказать, национальным праздником немцев.

Елка, составляющая теперь необходимую принадлежность празднования на Руси Рождества Христова, заимствована сравнительно недавно у немцев. Она вошла в употребление лишь в начале настоящего столетия, и вот ее история.

В эпоху Средних веков на праздниках Рождества Христова в Западной Европе для народа устраивались зрелища, имевшие отношение к этому дню. На таких зрелищах представлялись всегда Адам и Ева, а также можно было видеть на сцене змия и земное райское дерево.

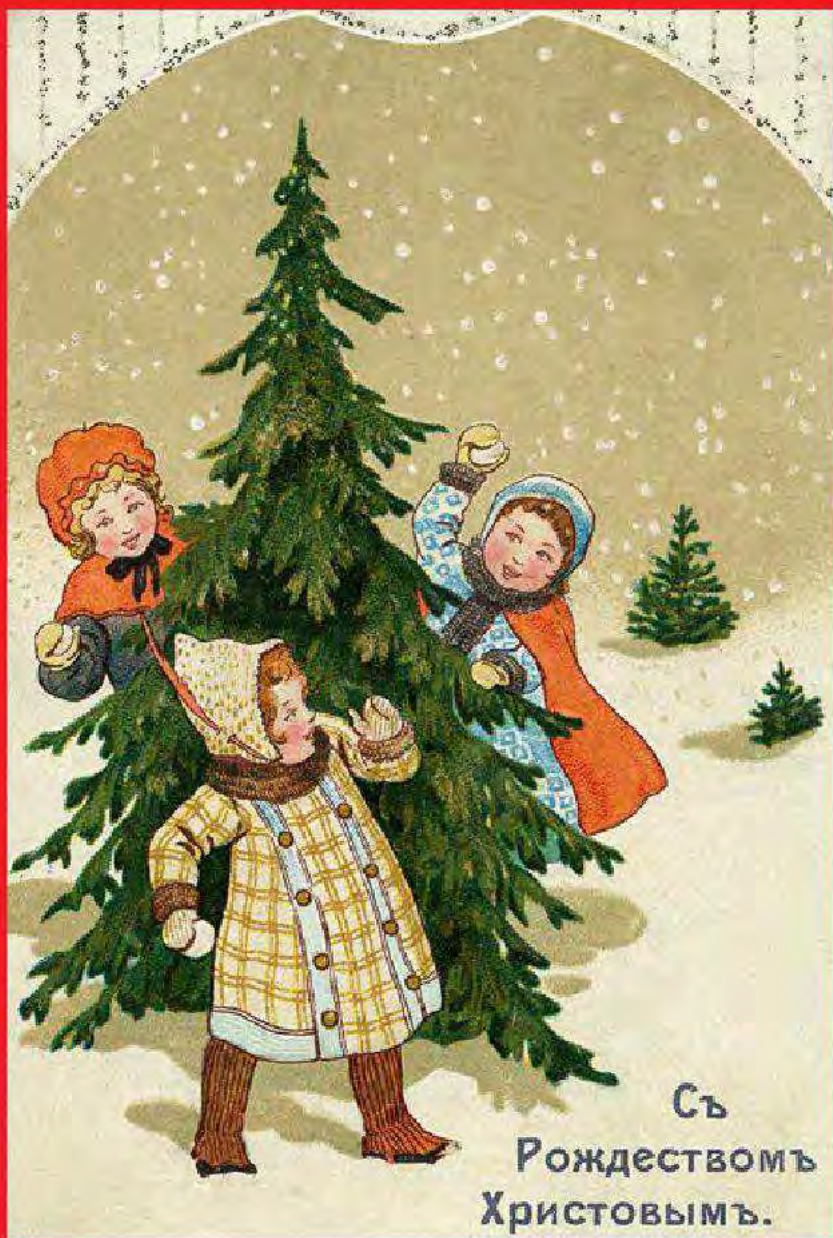
Ученые того времени старались разрешить вопрос: к какой именно породе принадлежало райское дерево, плоды которого повели человека к грехопадению. В Греции объясняли, что под словом «райское дерево» необходимо разуметь смоковницу, потому

что именно листьями фигового дерева Адам и Ева прикрыли свою наготу после грехопадения. В Шампани утверждали, что это виноградная лоза, а в Германии и вообще во всей Средней и Северной Европе признавали плоды этого дерева яблоками не только ради их заманчивого румянца, но и по поводу игры слов на латинском языке, на котором *malum* значит «зло», а *e malo* — «с яблони».

Итак, праздник Рождества чествовался как восстановление рая на земле. Существовало также поверье, что в рождественскую ночь цветет иерихонская роза. Когда родился Христос, снег исчез, деревья украсились листьями и цветами, земля покрылась ковром из трав.

Некий Иоганн Ницер рассказывает, что в Нюрнберге стояло удивительное дерево, которое в ночь пред Рождеством сплошь покрывалось цветом. О таком же феноменальном дереве, находившемся в окрестностях

Съ
Рождествомъ
Христовымъ.

Бамберга, упоминают летописи 1780 года: яблоня эта росла в саду Франца Говерда и приносила в рождественскую ночь яблоки. По подобным же легендам, в XVI веке в Вюрцбурге росли две яблони, которые в течение года совсем не приносили плодов, а вместо того давали их в рождественскую ночь; еще вечером на них не замечалось ни малейшего признака плодов, а к утру яблони приносили множество яблок обыкновенной величины. Таким образом яблоня сделалась чудесным символом истории человечества от Адама до Христа. Дерево со змеей давало плоды смерти. Дерево, сравниваемое с крестом, олицетворяло самого Христа, несшего с собою плоды жизни.

Но когда время это прошло, то за неимением «земной яблони» на Рождество в Германии стали считать райским деревом ель — *die Tanne*, имеющее большое сходство с другим словом древнегерманского языка — *der Tann*, которое в Средние века означало то же,

что в священном Писании называется «Эдемом», т. е. «сад», «рай». О двух таких *Tann*'ах в немецкой средневековой литературе есть целые поэмы, мы говорим о *Tann'e* Грааля и о Венерином *Tann'e*. Тангейзер был жителем Грааля и затем заблудился в саду Венеры.

Самое празднование Святков, вероятно, перешло к нам из Греции или с юго-запада, так как у древних греков при переходе старого года к новому мужчины плясали в женских платьях, а женщины — в мужских. Греческий император Константин Багрянородный в описании церемоний византийского двора говорит о готических святочных играх, отправляемых в присутствии самого императора.

Назначенные к тому люди являлись в масках и в вывороченных наизнанку шубах, бежали, вертелись, прыгали, звучно ударяя жезлами в щиты, и пели под музыку песни. Это продолжалось до самого разрушения Вос-

РОЖДЕСТВО

точной Римской империи. Из Греции празднества эти перешли в Италию, и у древних римлян был особый праздник, называвшийся врумелиями, или календами, в честь рождения Солнца непобедимого: этот праздник справлялся в Риме именно 24 и 25 декабря и отличался общим веселием, причем всеми употреблялись маски и переряживания.

Такие увеселения, конечно, не одобрялись христианами — они считали маски за дело очень греховное как языческое изобретение. Сохранились сведения, что установление праздника Рождества Христова («солнца правды») на 25 декабря сделано было Христианской церковью еще во времена апостольские именно для того, чтобы противопоставить великий христианский праздник вышеупомянутому языческому празднованию рождения солнца непобедимого. Ясный намек на это виден в следующем древнем католическом церковном песнопении:

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

**СОЛНЦЕ НА ЗИМНЮЮ ДАЛЬ
ЕДВА ЛИШЬ СТАЛО — ВНЕЗАПНО
НОВОЕ К НАМ ПРИТЕКЛО СВЕТИЛО,
БУРИ СМЕТАЯ,
И ВОПЛОТИЛСЯ ХРИСТОС!**

В Западной Европе на Святках справляли декабрьские вольности. Этот праздник носил название «праздника иподиаконов», или «праздника дураков» (*stultorum fatuorum*); в некоторых местах этот праздник справлялся в день Крещения (6 января) или в день Обрезания Господня (2 февраля). Какого рода было это празднество, свидетельствует послание к одному архиепископу папы Иннокентия III (1198-1216), где сказано: «Так как в церквах совершается позорище, и не только вводятся для потехи чудовищные личности, но даже при некоторых праздниках сами дьяконы, пресвитеры и иподиаконы участвуют в бесчинных играх, то тебе, возлюбленному о Христе бра-

РОЖДЕСТВО

ту, надлежит искоренить в подведомственных тебе церквах подобные обычаи, да не обеспечится дом Господень такою мерзостью».

Хотя праздник дураков и был формально запрещен на Парижском соборе еще в 1112 году, но в половине XII века он носил еще более кощунственный характер. Из постановлений Парижского богословского факультета о запрещении этого праздника в 1443 году видно, что в то время священники и клирики, выбрав из своей среды «папу», называли его папой дураков. Сами же во время богослужения плясали в уродливых масках, в женских и шутовских одеждах, также львиных кожах, пели неприличные песни, ели на алтарях и бегали по всей церкви. Однако строгие меры, принятые правительством и пастырями Церкви, повсеместно уничтожали подобные празднества, и о них не стало слышно уже в XVI столетии.

Святки на Руси праздновались издревле — доказательством тому служат «Кормчая

книга» и «Стоглав», а также пастырские послания, в которых обличаются гадания и суеверия на Святках как языческие обычаи. В постановлениях «Стоглава», составленного на соборе 1551 года, и в «Домострое», где запрещались «селинские беснования» и другие забавы, о масках не упоминается, но осуждаются лишь переряживания из мужских костюмов в женские и наоборот. При царе Алексее Михайловиче в «Кормчей книге», изданной по повелению патриарха Никона (в 1658 году), сказано: «Да отвержены будут от верных жития и комическая и сатирическая, и козляя лица. Святые отцы не повелевают мужам облачися в женские ризы, ни женам в мужские, еже творят на праздник дионисов плясуще; ни лиц же косматых возлагати на ся, ни козлих, ни сатирских. Косматые убо лица суть поругание неким ухищрена; козляя-же яко жалостна и на плач подвижающа».

Последний раз восстал против масок патриарх Иоаким в правление царевны Софии; в указе его (от 24 декабря 1684 года) говорится, что многие «преображаются в неподобные от Бога создания, образ человеческий пренебрегающе, косматые и иными бесовскими ухищрениями содеянные образы на себя одевающе».

Но в одном из самых любопытных памятников нашей старины, а именно XI века, в поучении архиепископа Луки к братии говорится о «масколоудстве», означая, без сомнения, замаскирование и происходящем, вероятно, от перешедшего к нам из Греции слова «маска» или «маскара» и русского слова: «луда», «лудить» — «покрывать, облекать». Недаром же, по определению одного древнерусского церковного произведения, сказано: «Каланда еллинстии бяху праздницы».

☞ XVI столетия, может быть, вследствие влияния приехавших с супругой Иоанна III

Софьей греков и итальянцев хоры переименовались в машкары. Известно также, что Иоанн Грозный тешился с опричниками своими в масках, и когда князь Михаил Репнин отказался надеть маску, или личину, и растоптал ее ногами, разгневанный царь приказал казнить Репнина. Придворные маскарады получили место у нас со времен царя Иоанна Васильевича, а в придворном штате были мастера-ряжечники, приготовлявшие маски для двора, так как самые маски наш народ называл рожамы. По расходным книгам казенного приказа 1684 года, мастерам-ряжечникам отпускалось сукно и деньги. Под влиянием приехавших с Лжедмитрием поляков маскарады сделались обыкновенным явлением при дворе и в народе. В последнем с незапамятных времен на Руси играли большую роль скоморохи, или скамрахи, называемые также плясцами-сквернословцами. В середине XVI века они превратили свои ватаги

в шайки разбойников до шестидесяти и даже ста человек, и когда сам царь Иван Васильевич Грозный предложил это бесчиние на рассмотрение собора 1551 года, то собор определил: «Благочестивому царю своя царская заповедь учинити, скорей сан весть, чтоб от них впредь такова насильства и безчиния не было нигдеж, николи, никогда же».

В тоже время бывший митрополит Иоасаф, к которому соборные определения 1551 года посланы были на рассмотрение, писал к царю: «О скоморосах Бога ради, государь, великое опасение аще бесовская игра их не будет». С тех пор начались более решительные меры против скоморохов. Под влиянием этого взгляда стало в XVII столетии действовать и правительство. Так в царствование Алексея Михайловича были предприняты особенно энергичные меры преследования скоморохов. После сильной проповеди против скоморохов патриарха Иосафата в его наказной па-

мяти от 1636 года мы встречаем резкую грамоту самого царя в Белгороде от 1648 года «Об уничтожении скоморохов и других бесчинств». А в 1667 году в «Памяти Преосвященного Ионы», митрополита Ростовского», скоморохам и принимающим их в свои дома объявлено в случае непослушания «быть от него святителя в великом смирении и наказании без пощады, и в отлучении от церкви Божии».

Вообще на праздниках Рождества на Руси не бывало спокойно, как о том говорят нам сохранившиеся, например, жалобы шуян. Так, в одной из них сказано, что «после Рождества Христова, в первое воскресенье, Потеха Васильев, да Курдюк Иванов дети, да Семен Микулин, да Савелей с товарищи с кобылкою ходили и с Павловых крестьян шапки схватывали». А в другой, обращенной также к князю Михаилу Феодоровичу, писалось: «Декабря, в 25-й день, разбили нас, сирот твоих,

СЪ РОЖДЕСТВОМЪ ХРИСТОВЫМЪ !

разбойники, неведомо какие лихие люди, животишки наши и статки, деньги, платье, и лошади, и туши, и полти свиные, и всякую рухлядь, и животинку, и севюки — все поймали, а нас, сирот твоих, мучили, а в лицо, государь, их не знаем: тому пора была ночная, а ночью за теми разбойниками не гоняли, потому государь, что гонять было за ними некому. И мы, сироты твои, были все перевязаны; да они ж, разбойники, покинули на том разбою: лук роговой, тетиву шелковую да обломок стали с копьём, и мы, сироты твои, от тех разбойников в конец погибли».

К Шуйском уезде до сих пор ходят в народе рассказы о старинных страшных разбойниках: Едуне, Рудаке и Пуге. Теперь хотя и исчезли на Руси разбойники и чародеи, но знахари, ворожба и гадание все еще от старины сохраняют свои традиции. Особенно ворожба и гадание присущи Святкам. Некоторые полагают, что гадание произошло от

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

еврейского слова «гад» — «счастье», имеющего однородное значение с Даймонион — богиней счастья и гадания у греков, но такое толкование вряд ли справедливо.

По настоящее время в русском простонаречьи «гадать» значит «думать»; у чехов *gadam* — «испытывать» или «исследовать», по-польски *gadac* — «говорить наобум, не подумав». Так как во многих местах России и теперь еще твердо убеждены, что с Рождества до Крещения черти бегают по ночам, то нечего говорить, что Святки в старину считались самым удобным временем для гадания и именно канун Крещения; о самих гаданиях мы скажем, когда будем говорить о дне Крещения, т. е. 6 января.

II

Празднику Рождества Христова предшествовал обряд «Пещного действия», который, по описанию древних церковных обрядов в Новгороде, совершался 17 декабря. Именно когда Рождество Христово случалось в понедельник или во вторник, тогда «Пещное действие» происходило в неделю святых отец, а когда Рождество приходилось в прочие пять дней, то оно было в Неделю Святых Праотец. Действие начиналось накануне Недели, в субботу,

в навечерие, и оканчивалось на другой день, в воскресенье.

Для совершения «Пещного действия» снимались в соборе некоторые паникадила и иконы, а также архиерейский амвон, на место которого среди церкви ставилась деревянная круглая печь в $3\frac{1}{4}$ аршина в высоту и в $2\frac{3}{4}$ аршина в диаметре. Избирали трех отроков, представлявших святых Анания, Азария и Мисаила, и двух, изображавших халдеев. Первых облачали в стихари и украшали венцами, а вторых одевали в халдейское платье, и тем и другим давали в руки пальмовые ветви. Все они накануне перед вечерней ходили к святителю на благословение и сопровождали его в церковь. На другой день, в воскресенье, с восьмой песни канона совершалось самое действие. Во время пения стиха седьмой песни «перечисленные отроки состави Святую Троицу», учитель отроческий испрашивал у архипастыря благословения к началу. Благо-

словив его рукою, архипастырь говорил: «Благословен Бог, изволивый тако!» И халдеи изводили из алтаря отроков, связанных убрусом (полотенцем) по выям их, и, поставив среди церкви, близь печи, говорил им:

— Дети царевы, видите ли сию печь, уготовленную вам на мучение?

— Видим, — отвечали они, — но не ужасаемся ее, ибо есть Бог наш на небеси; Ему же мы служим, Тот силен изъяти нас от печи сии и от рук ваших избавить нас, и сия печь будет не нам на мучение, но вам на обличение.

После этого отроки, по снятии с них повязки, получали от святителя благословение и витье свечи, а халдеи вводили отроков по одному в печь, затворяли ее и ставили внизу горн с горящими угольями. Затем протодиакон всегласно восклицал: «Благословен еси Боже, отец наших». Отроки пели стих этот в печи до конца, а между тем халдеи увеличивали пламень в печи и вокруг нее, кидая удобостгораемые ве-

щества. Но вдруг опускался в пещь к отрокам сверху Ангел Господень с громом, отчего халдеи падали ниц и сами опалялись своим огнем. Спустя некоторое время, встав, снимали свои кинаки, полагали на пальмы и в молчании стояли с поникшими головами. Отроки, возрев вверх к Ангелу, знаменовались крестным знамением трижды и столько же раз кланялись ему и, придерживаясь его, обходили с ним печь трижды. Потом возглашалось многолетие царю и всему царствующему дому, и утренняя оканчивалась. Халдеи и отроки в своих одеждах вместе со служками сопровождали святителя к литургии в собор, а оттуда в дом его.

В Софийском соборе в Новгороде до сих пор сохраняется такая пещь.

В канун Рождества, называемый сочельником, никто ничего не ел до появления звезды, и правила этого держались очень строго еще в прошлом веке. По этому поводу рассказывают анекдот, что приглашенный к обеденно-

му столу в сочельник императрицею Екатериною II знаменитый А. В. Суворов, известный своею набожностью, также ничего не ел. Заботливая хозяйка уверяла Суворова, что стол был рыбный. Обед по тогдашнему времени был ранний, до явления звезды. Пошли догадки, что Суворов постничает, ожидая небесного вестника. Императрица шепнула стоявшему за нею камер-лакею, и в ту же почти минуту принесли на золотом блюде с собственного платья ее величества бриллиантовую звезду Святого Александра Невского, государыня пожаловала ее герою, сказав:

— Видишь ли звезду? Вот теперь кушай!

Бывший тут князь Потемкин воскликнул: «Тако да просветится свет твой пред человеки!»

В XVII столетии в Москве и по другим городам в навечерии Богоявления Господня кликали плуг, т. е. славили плуг, а в навечерии Рождества Христова кликали многие люди Коляду

и Усель; об этом упомянуто в одной из грамот царя Алексея Михайловича (1649 года). Теперь во многих великороссийских губерниях Авсением, иначе Говсенем (в Рязанской губернии), или Таусем (в Симбирской губернии), называется уже канун Нового года. Слово «Авсень» сближают с овсом на том основании, что посыпают на новый год преимущественно овсом и овсом же дают славильщикам. «Авс-ен» совсем не верно; в слове «ов-юс» звук *с* относится к суффиксу, тогда как в слове «усень» *с* принадлежит к корню *ус*. Санскритское *уш*, «жечь» — «ич-ечь», от которого литовское *ausz-ti* — «светать», *ausz-ra* — «утренняя заря, т. е. зарево, предшествующая солнцу и звездам». А у всех почти славянских племен есть пословицы, что солнце приходит к воротам и освещает их. Сербь накануне Божича (Рождества) поют:

**БОЖИЧЬ, БОЖИЧЬ БАТА
НА ОБОЯ ВРАТА,**

РОЖДЕСТВО

НОСИ КИПУ ЗЛАТА.
ДА ПОЗЛАТИ БРАТА
И ОБОЯ ПОБОЯ
(т. е. половинки двери).

В старинных же русских песнях говори-
лось:

ОЙ, ОКСЕНЫ! ОЙ, ОКСЕНЫ!
ПОХОДИ ПОГУЛАЙ
ПО СВЯТЫМ ВЕЧЕРАМ
ПО ВЕСЕЛЫМ ТЕРЕМАМ!
ОЙ, ОКСЕНЫ!
ТВ ВЗОЙДИ

К ФАЛИМОНУ НА ДВОР,
ЧТО В СРЕДИНЕ МОСКВЫ;
ЗДЕСЬ ВОРОТА КРАСНЫ,
ВЕРЕН ВСЕ ПЕСТРЫ.
ОЙ, ОКСЕНЫ!

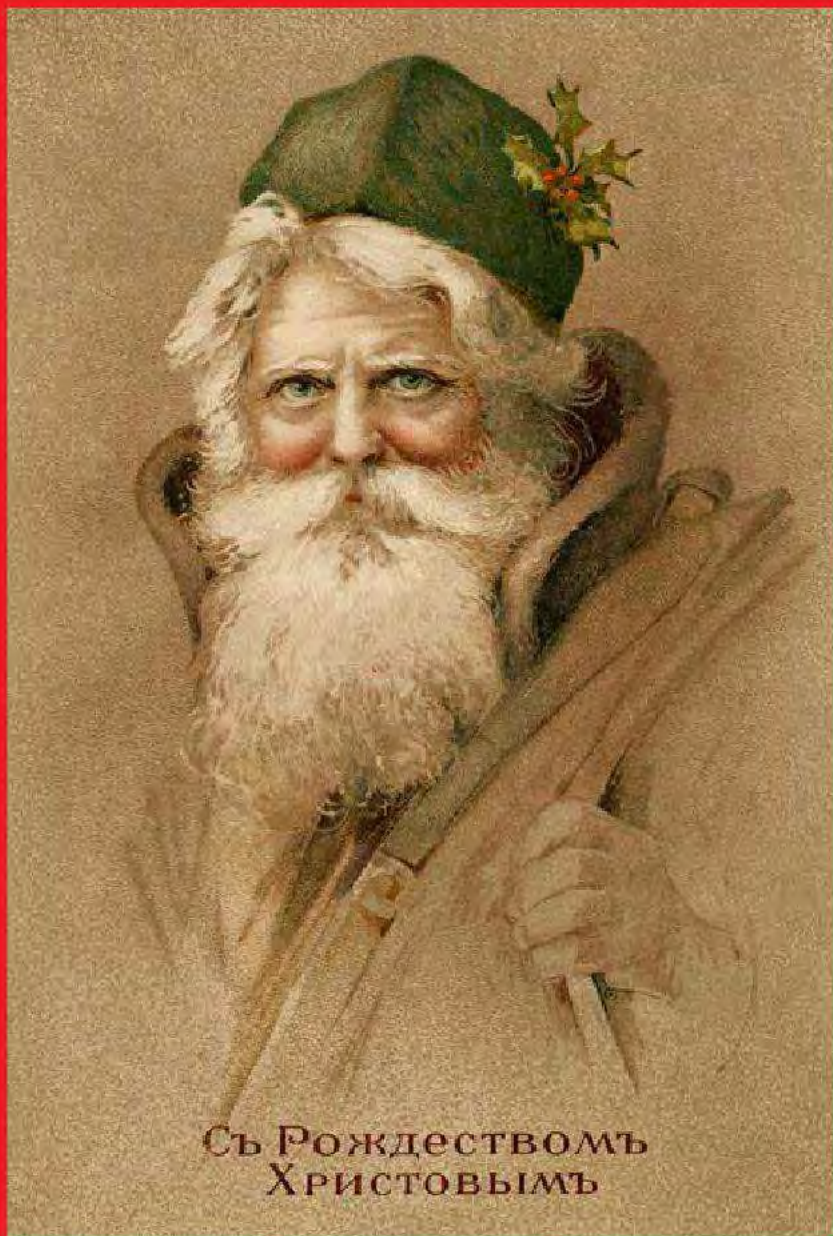
КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

ФИЛИМОНОВ ВЕСЬ ДВОР
ОБВЕДЕН ЗАТВНЕМ,
КНПАРЕНЬВА ТВНОМ.
ОЙ, ОБСЕНЬ!

ФИЛИМОНОВ-ТО ТВИ
СЕРЕБРОМ ОБЛОЖЕН,
ПОЗОЛОТОЙ УКИТ.

Как в сербской колядке ворота позолачиваются, украшаются солнцем, так и здесь, по видимому, красота двора есть только следствие его посещения святым богом, отблеск небесной красоты. Далее приводим песню, доказывающую, что боги посещали как гости дома смертных. Кстати, это подтверждается пословицей «гость в дом — Бог в дом», а также выражением Орловской и Псковской губерний «боги ходят» — так называют образа, приносимые в дома.

СЪ РОЖДЕСТВОМЪ
ХРИСТОВЫМЪ

РОЖДЕСТВО

ПЕШИЛА КОЛАДА
НАКАНУНЕ РОЖДЕСТВА.

ЛИБ ХОДИЛИ, ЛИБ ПСКАЛИ
КОЛАДУ СВЯТУЮ

ПО ВСЕМ ПО ДВОРАМ,
ПО ПРЮЛОЧКАМ.

НАШИМ КОЛАДУ
У ПЕТРОВКА-ТО ДВОРА
И Т. Д.

Авсень во многих местностях России также называется Васильевым или Богатым вечером. Снегирев видел в Авсене земледельческий праздник, а Сахаров в то же время совершенно справедливо замечал, что «могло ли быть на самом деле, чтобы зимою на Руси народ праздновал земледельческий праздник». По мнению же покойного историка Соловье-

ва, «в некоторых местах коляда известна под именем авсеня или таусеня, что можно принимать за измененное слово “ясень”, по всей вероятности, имя солнца (ясное)». Г. Кавелин тоже сближает Авсень с Колядой: по мнению этого ученого, «Коляда и Авсень составляли во времена язычества один большой праздник».

Обряды, входящие в празднество Авсеня, состоят в заговаривании каши, застывании зерен и хождении по домам. В иных местах все обряды совершаются вместе, в других — поодиночке; во многих местах имя забыто, а обряды еще существуют. В некоторых местах с Авсением соединяется обряд сжигания Костромы. Каша на Авсень варится обыкновенно старшей женщиной в доме, которая сама приносит крупу из амбара; старший же из мужчин приносит воду. Затираание каши сопровождается символическим причитанием. По тому, как каша уварилась, судят об урожае будущего года и вообще о счастье: каша крас-

РОЖДЕСТВО

ная предвещает счастье, каша белая угрожает бедами.

Обряд засеваания совершают обыкновенно мальчишки: в Червонной Руси и в Малороссии они ходят с разным зерном в мешках или по комнате, или по улице, приговаривая: «На счастье, на здоровье, на новый рок! Роди, Боже, жито, пшеницю. Всяку пашницю, в запичку дитей копицю». В Великой России дети, а иногда и взрослые парни и девицы ходят из дома в дом с лукошками или мешками, полными зерен, которые сберегаются старухами до весеннего посева. Проходя по домам с песнями, посыпальщики получают в подарок нарочно приготовленные к этому дню начиненные кишки, желудки и свиные ноги. В Костромской губернии пришедшие петь Авсень приговаривают: «Свинку да боровка выдай для Васильева вечерка».

В Рязанской губернии просят пирогов. Впереди толпы идет девица, называемая

махоноской, которая несет мешок для соби-
рания подарков. В Муроме следующим обра-
зом спрашивают позволение петь Авсень:

- *ДОМА ЛИ ХОЗЯЕКА?*
- *ДОМА НЕТ*, — отвечают им.
- *ГДЕ ЖЕ ХОЗЯИН?*
- *УЕХАЛ НА ТОРГ — СОЛИ КУПИТЬ.*
- *ДЛЯ ЧЕГО СОЛИ?*
- *МЯСО СОЛИТЬ.*
- *НА ЧТО МЯСО?*
- *СВНА ЖЕНИТЬ?*
- *НА ЧТО СВНА ЖЕНИТЬ.*
- *ЧТОБЫ ПАШЕЊЬКУ ПАХАТИ, ХЛЭБА ПРОЛИВШАТИ.*

Затем начинают песни. В Саратовской гу-
бернии, подойдя к окну, спрашивают: «Ста-
рый Русень! Не кричать ли Таусень?» — Если
хозяин согласен, тогда начинают.

Существовал также странный обычай
носить на другой день Рождества Христо-

РОЖДЕСТВО

ва в церковь пироги, что видно из распоряжения киевского митрополита Михаила «О праздновании полога Богородицы на завтраие Рождества Христова». Лист этого распоряжения напечатан во Львове, в друкарне (типографии) братской от 20 июня 1590 года, в котором сказано, что «на завтраие Рождества Христова носят пироги, мнят в честь Богородицы полог навеваючи, еже есть великое нечестие и наука нечестивых еретик, Дева же Богородица паче слова и разума нетленно и несказано рода».

Наконец скажем еще, какие кушанья ели наши предки во время праздника Рождества. Указание на это дает дополнение к «Домострою» благовещенского попа Сильвестра. В книге «Какие в весь год в стол яствы подавать» сказано: «В Великий мясоед святого Рождества Христова в стол яству подают: лебеди, потрох лебязий, гуси верченые, тетерева, куропти, ряби, поросята, баранина

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

печеная, потрох пороссячий, голова свежая под чесноком, уши курячьи, солонина с чесноком, губа лосья, осердие (легкое) лосие в розсоле, мозг лосий, зайцы сковородные, гуси, минты кривые, тукмачи, лапши, кулдуны и шти».

III

казав об обычаях, предшествовавших и сопровождавших празднование Рождества Христова, перейдем к описанию церемоний, происходивших во дворце царском и в частных домах наших предков. **Р**ано утром в сочельник государь делал тайный выход в сопровождении только отряда стрельцов и подьячих Тайного приказа в тюрьмы и богадельни, где из собственных рук раздавал милостыню, равно как и идя по улицам.

После этого, переодевшись и отдохнув, царь шел в столовую избу или Золотую палату, или в одну из придворных церквей к царским часам в сопровождении бояр и всех думных, и ближних чинов. Потом в навечерии праздника государь выходил в Успенский собор к действию многолетия. На этом выходе царь бывал почти всегда в белой шелковой шубе с кованым золоченым кружевом и золотой нашивкою.

Во время службы соборный архидьякон кликал многолетие государю и всему царскому семейству по именам. По совершении действия патриарх с властями и со всем собором здоровствовал государю, т. е. говорил титул и многолетствовал. Царь поздравлял патриарха и властей. Затем государю здоровствовали бояре, причем первенствующий из них говорил поздравительную речь по известной форме. Царь милостивым словом поздравлял всех сановников и народ. После этого бояре здоровствовали

РОЖДЕСТВО

патриарху и властям, и тот же боярин говорил патриарху титул и речь. Когда уже совсем смеркалось, приходили во дворец славить Христа соборные протопопы, попы и певчие. Государь принимал их в столовой избе или в передней палате и жаловал им по ковшу белого и красного меда, который в золотых и серебряных ковшах подавал один из ближних людей.

В самый праздник Рождества Христова государь слушал заутреню в столовой или в Золотой палате. Во втором часу дня он выходил в столовую избу, где и ожидал пришествия патриарха с духовенством. В переднем углу ставилось место государево, а подле него кресло для патриарха. Придя в столовую, государь садился до времени на свое место. Патриарх при пении праздничных стихирь в предшествии соборных ключарей, несших крест на мисе и святую воду, в сопровождении митрополитов и духовенства шел к государю, который встречал это шествие в сенях. После

обычных молитв певчие пели государю многолетие, а патриарх говорил поздравление. Потом царь и патриарх садились на свои места. Посидев немного и затем благословив царя, патриарх шел тем же порядком к царице.

Отпустив патриарха, государь облакался в царский наряд и шел в собор к обедне. После литургии, переменяв в приделе Димитрия Солунского свое платье на обыкновенное, государь возвращался во дворец, где приготовлялся стол «на патриарха, властей и бояр», чем и оканчивался рождественский праздник.

К царицам приезжие боярыни подносили перепечи, сдобные крупитчатые куличи или караваи. В 1668 году царице Марье Ильиничне с царевнами поднесено было 426 перепечей. Малолетних же царевичей славили иногда карлы. Так, в 1659 году к царевичу Алексею Алексеевичу приходили славить карлы Карпунька Афонасьев да Петрушка Семенов, за что им было дано 3 алтына и 2 деньги.

Наши же предки, бояре, праздновали Святки особенно торжественно. Так, под конец Филипповок старики отправлялись закупать скороми, а старухи советовались, в чьем доме праздновать Святки, избирая дом побогаче, где есть невеста. Хозяйка выбранного дома начинала посещать родных, принимать старых и малых — всех поименно, по отчеству, с поклонами да просьбами. За ними на другой день снаряжалась нянюшка или сват, который, являясь с приглашением, говорил:

— Филимон Спиридонович и Анна Карповна кланяются вам, батюшка Артамон Трифонович, и вам, матушка Агафья Нелидовна...

— Благодарим покорно Филимона Спиридоновича и Анну Карповну, — отвечали свату, а он снова начинал:

— Приказали-де они вас, батюшка Артамон Трифонович, и вас, матушка Агафья Нелидовна, покорно просить отпустить вашу дочку на вечер посидеть, на красных деву-

шек поглядеть, хлеба-соли откусать, гуся нарушить.

— Напрасно Филимон Спиридонович и Анна Карповна беспокоятся, мы — люди свои и без этой чести постараемся побывать.

— Приказали-де они вам, — продолжал сват, — батюшка Артамон Трифонович, и вам, матушка Агафья Нелидовна, вспомнать, уже так испокон века заведено; не нами началось, не нами и кончится... Не нарушайте пира, не вводите в изъян добрых людей, нет у Анны Карповны девичьего веселья.

— Мы ведь не первые гости у Анны Карповны, и без наших деток составитя девичье веселье.

— Что же прикажете сказать Филимону Спиридоновичу и Анне Карповне? — спрашивал сват.

— Кланяйся, сватушка, Филимону Спиридоновичу и Анне Карповне, непременно побываем.

Наступал первый святочный вечер, и по улицам тянулись поезда, в которых возили девушек в званый дом погостить. В первых санях поезжан сиживала матушка с дочкой, в ногах — любимая подруга; в других санях — домашний скарб, бабушки и нянюшки. Чем длиннее был поезд, тем более славы, тем почетнее было для званого дома. По приезде впереди всех шла баба-позыватка уведомлять хозяина о приезде гостей, которые сидели в санях до тех пор, пока не выйдут навстречу хозяин и хозяйка. В огромных сенях встречала гостей дочка с подругами и нянюшками. Гости входили в покои, молились, кланялись и никак не хотели садиться. Тогда их заставляли силой сесть на лавки. Матушка, оставляя своих дочек, говорила: «Примите мою ненаглядную дитятку, утешайте и милуйте!» Хозяйка заверяла: «Не осраим себя, удоволим детище, не кинем себя в грязь». Званые девушки тотчас дружились.

С ранней зари все поднимались в доме, одни только девицы спали до обеден. Поутру приходила их будить сама хозяйка дома в сопровождении бабушек, которым девушки рассказывали виденные ими сны и просили их отгадывать. Затем девушки вставали, одевались и пили изварец (род особого напитка вроде сбитня). Бабки-позыватки отправлялись из званого дома просить матушек посмотреть на забавушки ненаглядных дочек, батюшек — посидеть на вечеринке; тетушек, бабушек, кумушек, нянюшек и всех прочих — в гостях побывать. Нянюшек всегда принимали ласково. Когда все собирались по приглашению, то на стол на оловянных или глиняных блюдах подавались разные яства. Девушки только отведывали, боясь зорких глаз нянюшек, готовых разнести по людям разного рода сплетни. За сытыми блюдами начинались совещания, какие бы сыграть игры. Девушки-причудницы спорили, ссори-

лись и от досады прекращали завтрак. Если же завтрак оканчивался мирно, нянюшки начинали собираться в дорогу. Девицы провожали нянюшек с наказами кланяться батюшкам да просить поскорее от родных весточек. Хозяйка приказывала: «Просить родителей навестить дочек, побывать на вечере».

Крепкими запорами затворялись ворота, ни одно постороннее лицо не впускалось на двор. В это время красные девицы катались с гор, бросались снежками. Эти утехи недолго продолжались — холод загонял девушек в хоромы. Старшая нянюшка предлагала девушкам святочные игры, но девицы не решались на игры, поджидая каждая братца. Это была роковая минута для них. Всякая девица предполагала в чужом братце суженого. Когда братцы приходили проведать сестриц, тогда начинались игры, из числа которых отдавалось предпочтение игре «Сижу-посижу», потому что в ней нередко приходилось

девушкам сидеть на коленях чьего-нибудь братца, а также игре «Коза и слепой козел». С окончанием игр братцы прощались с сестрицами и уходили. Оставшись одни, девушки начинали загадывать загадки, продолжая их разгадывать до самого вечера.

В сумерках начинали съезжаться званые гости. Хозяин встречал у ворот гостей, а хозяйка дожидалась у крыльца, девушки же выбегали в сени. После длинных приветствий и всевозможных пожеланий хозяева сажали гостей по местам, соблюдая при этом строгий выбор. Богатые старики всегда занимали первые места по правую сторону, часто рядом с ними саживали пожилых женщин. Молодых женщин размещали на левую сторону; они обыкновенно должны были сохранять глубокое молчание, им дозволялось только заниматься «перебирочкой», т. е. класть руки на колени, сложить пальцы с пальцами и вертеть одним большим пальцем около друго-

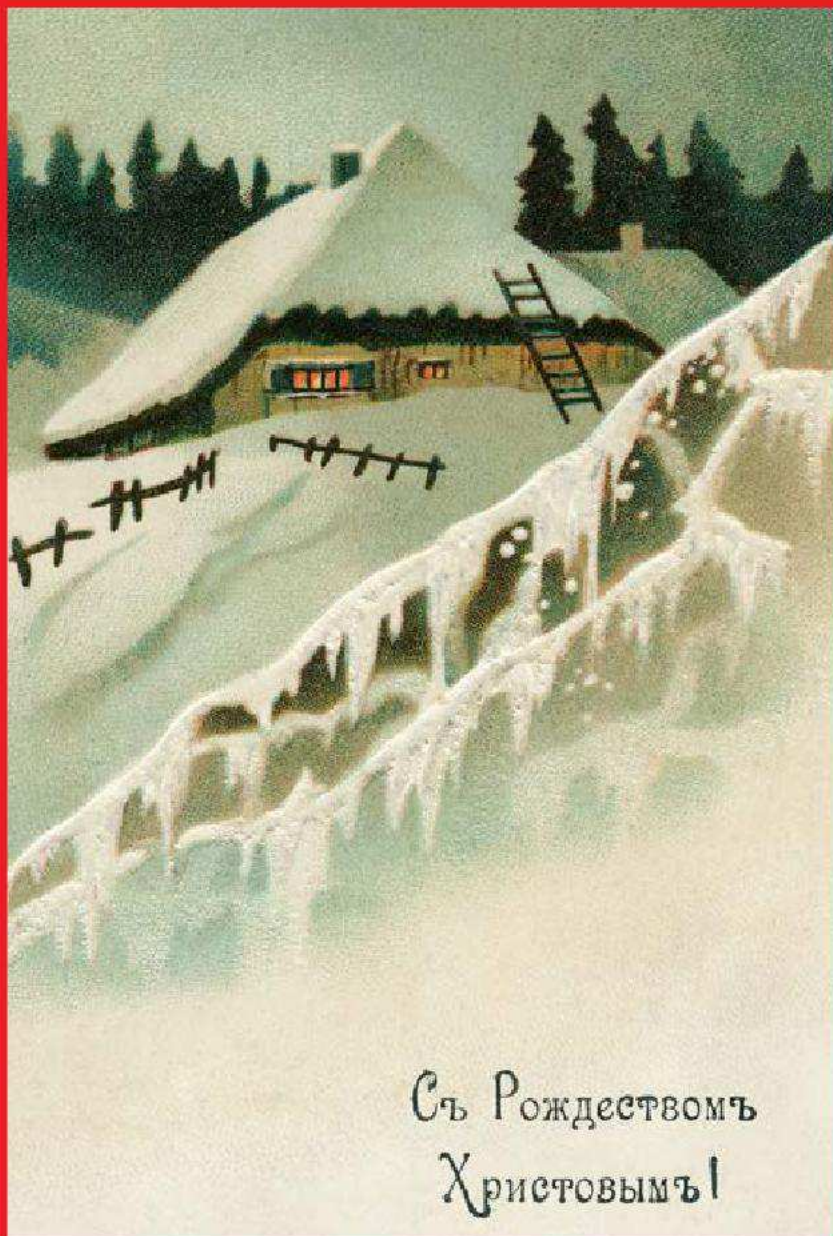
го. Женщина в таком занятии считалась степенною. Свекрови и матери взирали на нее с улыбкой; мужа и братья гордились такой степенностью, посторонние ей завидовали. Молодые люди, особенно суженые, садились где-нибудь в уголках вместе с посторонними мужчинами. Девушки усаживались чинным порядком пониже молодых, им позволялось перешептываться между собой, по временам выходили за гостинцами в другие покои, откуда выглядывали нянюшки. Гости могли только изредка смотреть на девиц, но вмешиваться в их разговоры никому не дозволялось.

Еще до приезда гостей ставили посреди покоя, ближе к переднему углу, стол с закусками. Угощение гостей начиналось тотчас после их приезда. Хозяин на деревянных подносах выносил наливки: смородинные, яблочные, рябинные и другие крепкие напитки — провозглашал каждого гостя по имени, прося его откусать, а хозяйка стояла сзади и кланялась

в пояс. Иногда ломливый гость не брал стопы из рук хозяина, а с настойчивостью требовал, чтобы его угощала хозяйка. Муж передавал жене свой поднос. Гость, подымая кубок, говорил тысячу пожеланий каждому из членов семьи и для важности — с расстановкой. Такому гостю дозволялось поцеловать хозяйку. Вслед за напитками хозяйка обносила гостей закусками. Молодым женщинам не подносили вина, они часто сами выходили в светлицу хозяйки — испить кваску, там хозяйка угощала их вишневкой или подавала им годовалый мед. Девиц не угощали — они имели в узелках матушкины гостинцы.

После бесчисленных угощений являлись шуты — потешать гостей. Наряженные в разное платье, они начинали плясать, рассказывать прибаутки и побасенки, намекая часто в них на характеры гостей и слабости матушек в отыскании суженых. За ними вслед, с дозволения хозяев и почетных гостей, входили

Съ Рождествомъ
Христовымъ!

РОЖДЕСТВО

наряженные в маскаx, или личинах. В числе ряженных всегда бывали суженые из особ посторонних, не приглашенных на вечеринки. Самые забавные уборы ряженных составляли: медведь, коза, слепые лазари и бойцы. За неимением масок большинство натирало лицо сажеей, подрумянивалось кирпичом. На голову надевали безобразные шапки. Гости упрашивали ряженных повеселиться, и тогда коза с медведем отплясывала «камаринского», лазари пели стихиры, бойцы бились и боролись, старухи караулили на огороде горох и ловили воров. В числе последних всегда бывали суженые невесты. Людей непьющих принимали за важных особ и провожали с честью. По уходе ряженных вносился стол на середину покоя, являлась почетная сваха со скатертью и накрывался стол: старая нянюшка ставила на него блюдо с водой. Гости усаживались, а посреди, прямо против блюда, садилась сваха. Нянюшки клали на стол маленькие кусоч-

ки хлеба, соль и три уголька, и начиналось пение святочных подблюдных песен, а потом девушки гадали.

Ко время Святков дети ходили по домам с веретеном и звездой и славили, что очень сходно с западной календой. Хотя в России и не существовало западного праздника «Трех царей», но со времени Алексея Михайловича введено было в обыкновение ходить государям на Святках к своим подданным и славить Христа. Славление это начиналось с полудня следующим образом: процессии предшествовали двое чиновников с барабанами в руках и ударяли в них палочками, обернутыми сукном. За ними следовал царь со всем клиром и толпой князей и бояр.

Процессия эта совершалась обыкновенно на санях, причем посещались только знатные вельможи. По вступлении в дом к кому-либо пели «Тебе Боже хвалим» и поздравляли с Новым годом, после чего хозя-

РОЖДЕСТВО

ин подносил царю денежный подарок и угощал всю свиту.

К городам и селам святочные ночи посвящены были разездам и пирушкам для поддержания родства, приискания невест и суженых. Люди бедные, не имевшие богатых родных, не призываемые на вечеринки, забавлялись на улицах кружками. Наряженные во всевозможные карикатурные лики, они осмеливались входить как потешники лишь в те дома, на окнах которых были выставлены свечи — прямой знак, что в доме находится невеста.

К Тихвине в сороковых годах настоящего столетия во время Святков снаряжалась большая лодка, которую ставили на несколько саней, запряженных чуть ли не десятком лошадей, и в таком виде везли по главным улицам города. Посреди лодки, окруженной народом и обвешанной массой разноцветных фонарей, сидели потешники, или окружники, как

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

их там называли. Зажиточные люди приглашали их к себе и устраивали пирушку. В городе Торопце Псковской губернии вечером в доме бедной вдовы, известной всем за женщину скромную и порядочную, собираются молодые девушки, вслед за которыми являются парни и, слушая подблюдные песни своих суженых, отплачивают каждый по возможности деньгами, которые поступают в пользу вдовы. Такие вечеринки называются «субботками».

НОВОЛЕТНЯ

НОВОЛѢТІЯ

Предки наши до Петра I не начинали года с января месяца, который ничем не отличался у них от других месяцев, кроме названия да еще и того, что впоследствии стал именоваться временем свадеб или просто свадьбами. Заметим здесь, кстати, что славяне делили, подобно римлянам, год на двенадцать месяцев, которые, согласно временным явлениям природы, назывались: январь — просинец (по мнению Н. М. Карам-

зина, от синевы неба, по мнению других, от глагола «просить»); февраль — сечень (от слова «секу»: или в смысле жестоких морозов, которые еще бывают у нас в феврале, или, быть может, славяне что-нибудь секли, рубили в этом месяце); март — сухой; апрель — березозол (по мнению того же Карамзина, от золы березовой, которую жгли славяне для щелока); май — травный; июнь — изок (так называлась, как полагают, у славян какая-то певчая птица); июль — червень (не от красных ли плодов или ягод?); август — зорев (от зари, или зарницы); сентябрь — рюень (или ревун, от рева зверей); октябрь — листопад (этимология этого слова вполне понятна); декабрь — студеный (от стужи или мороза).

Церковный год начинался с 1 марта, держась в этом отношении библейского мировоззрения. Сам Бог о месяце низане, соответствующем нашему марту, заповедал Моисею и Аарону: «Месяц сей вам начало месяцев,

первый да будет вам в месяцах лету». Затем общее древнее иудейское и христианское предание говорит, что в этом месяце Бог создал мир и человека. Что же касается гражданского года, то начало его с 1 сентября имело первоначально иной смысл. Оно было установлено императором Августом для правильного взноса податей через каждые пять лет пятнадцатилетнего круга индикта: этот пятилетний срок назывался «люстран». Люстран и начинался с 1 сентября — времени, самого удобного для взноса податей. Впрочем, заметим, что Ромул начинал свой год с 1 марта, а Нума — с 1 января. Этот первый месяц назван был именем мифологического божества Януса, которого римляне считали царем всей Италии. В этот день сановники в новой одежде ходили жертвовать в храм Юпитера и подносили Янусу финики, фиги, молоко и плоды. Римляне в древности означали для памяти наступивший год вколачи-

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

ванием гвоздя в стену храма и по числу гвоздей вели счет прошедшим годам.

Восточная же православная церковь, празднуя Новый год 1 сентября, установила впоследствии начинать новолетие в память победы, одержанной в 812 году Константином Великим над Максентием, жестоким гонителем христиан.

Историк Татищев говорит: «В 1342 году при митрополите Феогносте прением о начале года, случившимся на соборе в Москве, решено и положено было начинать как церковный, так и гражданский год сентября первого числа». Вторичное подтверждение этого обстоятельства находим в 1605 году, на Соборе, утвердившем начинать новый год индиктом 1 сентября.

О том, как предки наши проводили мартовское новолетие, ничего не известно. Что же касается празднования года с 1 сентября, то исторические памятники нам говорят, что

Съ Новымъ
Годомъ!

оно отличалось глубоким религиозным характером. Цари этот день старались ознаменовать делами правосудия и милосердия. Так, великий князь Иоанн III велел всем, имеющим жалобы, явиться на судный срок в Москву в день Симеона Летопроводца. Неявившийся считался виновным, и над ним «чинили правож», оправданному же давалась «справая грамота». Церковь в этот день с особенным торжеством совершала свои молитвословия. Люди богатые рассылали по странноприимным домам милостыню. Целый день продолжался колокольный звон. Один иностранный писатель так описывает встречу нового 1676 года при царе Алексее Михайловиче:

«На Кремлевской площади при пожелании патриархом долгоденствия царственному дому в присутствии многочисленного духовенства, государственных чиновников, иностранных посланников и народа играла музыка. Царь Алексей Михайлович и патриарх

целовали взаимно друг у друга руку. Евангелие, которое держали два митрополита перед патриархом, было ценой в 170 тысяч червонцев. После поздравления патриархом ближний боярин Никита Иванович Одоевский с первостатейными боярами приносил поздравление Царю; за ними поздравляли Государя митрополиты и, наконец, все духовенство. После литургии был в Грановитой палате стол, за которым пели государевы и патриаршие певчие».

Цари Иоанн и Петр Алексеевичи встречали новый 1698 год следующим образом: на Кремлевской площади сидели оба царя на своих престолах в драгоценных одеждах, их окружали бояре и народ. Патриарх всходил на возвышение, кропил их и весь народ святой водою, давал государям целовать крест и желал долголетия и счастливого царствования.

Затем обращался к народу, поздравлял с Новым годом и просил Божьего благосло-

вения во всех добрых делах. Народ отвечал: «Аминь, аминь».

В 1699 году Петр I в последний раз праздновал с патриархом Андрианом Новый год по древнему обычаю, а потом постановил начинать новый год с января месяца.

«Лета от сотворения мира 7208, декабря в двадцатый день» великий государь царь Петр Алексеевич выдал такой указ:

О ПРАЗДНОВАНИИ НОВОГО ГОДА

«Великий Государь указал сказать: известно ему, Великому Государю, не только, что во многих европейских христианских странах, но и в городах славянских, которые с Восточной православной нашей церковью во всем согласны, как волохи, молдавы, сербы, далматы, болары и самые Его Великого Государя подданные Черкасы и все иреки, от которых вера наша православная принята, — все

те народы, согласно лета свои считают от Рождества Христова осмь дней спустя, то есть Генваря с первого числа, а не от создания мира, за многую рознь и считание в тех местах, и ныне от Рождества Христова доходит 1699 год, а будущего Генваря с первого числа настанет новый 1700 год, купно и новый столетний век: и для того доброго и полезного дела, указал Великий Государь впредь лета счислять в Приказах и во всяких делах и крепостях писать с нынешнего Генваря с первого числа от Рождества Христова 1700 года. А в знак того доброго начинания и нового столетнего века в царствующем граде Москве, после должного благодарения к Богу и молебного пения в церкви и кому случится, и в дому своем, по большим и проезжим знатым улицам, знатым людям и у домов нарочитых духовного и мирского чина, перед вороты, учинить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых

против образцов, каковы сделаны в Гостине дворе и у нижней аптеки, или кому как удобнее и пристойнее, смотря по месту и воротам учинить возможно; а людям скудным каждому хотя по древицу или ветьве на ворота, или над храминою своею поставитъ; и то б то поспело, ныне будущаго Генваря, к первому числу сего года, а стоять тому украшению Генваря по седьмой день того ж 1700 года. Да Генваря ж в первый день в знак веселия, друг друга поздравляя Новым годом и столетним веком, учинить сие: когда на большой Красной площади огненные потехи зажгут и стрельба будет, потом по знатным дворам, боярам, и окольниковым, и думным, и ближним, и знатным людям палатного, воинского и купецкого чина знаменитым людям — каждому на своем дворе из небольших пушечек, буде у кого есть, и из несколько мушкетов или иною мелкого ружья учинить трижды стрельбу и выпустить несколько ракетов, сколько

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

у кого случится, и по улицам большим, где пространство есть, Генваря с первого по седьмое число, по ночам, огни зажигать из дров или хворосту, или соломы, а где мелкие дворы, собрался пять или шесть дворов, такой огонь класть, или кто похочет на столбиках поставить по одной, или по две, или по три смоленые и худые бочки, и, наполняя соломой или хворостом, зажигать; а пред Бурмистрской Ратушей стрельбе и таким огням и украшению по их рассмотрению быть же».

Самое торжество началось в полночь 1 января 1700 года и нового века. Колокол Ивана Великого возвестил начало всенощного бдения в Успенском соборе. Службу новолетию отправлял Стефан Яворский, митрополит Рязанский, который, поздравив царя и всех присутствовавших в соборе с Новым годом, сказал красноречивую проповедь, доказывавшую необходимость перемены года и всю

пользу этого. К началу литургии введены были в Кремль полки с распущенными знаменами и барабанным боем; привезены пушки, которые громкими выстрелами сопровождали многолетие после молебна. Духовенство, послы и бояре обедали у царя, сидевшего за столом со всем своим семейством. Гости явились также с женами и дочерьми. Народ пировал на площадях перед дворцом и угощался выставленными ему яствами, винами и пивом. За царским столом гремела музыка и пели придворные и патриаршие певчие. Вечером трое триумфальных ворот, главнейшие здания и церкви, а также частные дома богатых людей, согласно царскому приказу, были иллюминированы и убраны транспарантами. Царь объезжал главные московские улицы и поздравлял народ с Новым годом. Возвратясь во дворец, открыл бал, за которым следовал ужин до утра, заключивший торжество введения Нового года.

Народ, смотревший с удовольствием на потешные забавы, после стал роптать на Петра, говоря: «Как государь мог переменить течение солнца?»

Многие суеверы еще до сих пор считают новый год по древнему обычаю, а в народе новый январский день доселе известен под названием «Васильева дня», в который истари совершаются различные святочные гадания, игры и забавы, названные в «Стоглаве» «скаредными образованиями, окрутами и скуратами».

Голландские и немецкие протестанты ввели новый стиль в летосчисление с 1700 года, а англичане — с 1752 года, но новый XVIII век в Москве приветствовали годом ранее европейских государств, и ошибка насчет нового столетия с нулевого, а не с первого года была повторена и сто лет спустя. Хотя 1 декабря 1799 года обер-прокурор Священного Синода Д. И. Хвостов и спрашивал известно-

го историка Николая Николаевич Бантыша-Каменского, был ли при Петре «юбилей истекающего столетия», и если был, то «какого рода происходило торжество, как духовное, так и светское». На что Бантыш-Каменский, отвечая, тонко замечал: «Кажется, что в отличном праздновании первого дня 1700 года не столько юбилей ознаменован, сколько перемена летосчисления, вводящая счет годов вместо от сотворения мира — от Рождества Христова».

Однако было признано неудобным идти против исторических традиций и 28 декабря 1799 года император Павел I дал петербургскому архиепископу Амвросию повеление «О праздновании в первый день наступающего 1800 года и *новое столетие*». Высочайшею властью был указан и порядок празднования. Накануне Нового года «начать благовест во всех Санкт-петербургских соборах и церквах к всеобщему бдению, по полудни в 12 часов

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

(т. е. в полночь), а отправлять оные соборне, как и литургии первого числа, и после оных быть благодарственному молебствию с коленопреклонением». Празднование нового столетия ознаменовано было еще тем, что в ектениях на молебне вместо слов «новое лето», говорили «новое столетие»; в морском Богоявленском соборе было «собрание всего духовенства», наконец, во всех петербургских церквах три дня сряду «после обедни до вечерни» продолжался звон.

НОВОГОДНИЕ ИЗДАНИЯ ИЛИ АЛЬМАНАХИ

Всем изданиям, начинавшимся перед началом нового года, а также календарям было присвоено название альманахов, которое составилось из арабского предлога «аль» и слова «мюнха» — «возвещающий». Старейшим альманахом считается печатное произведе-

ние немецкого астронома Георга Нейербаха, жившего в Вене в 1461 году; он выходил под заглавием «Альманах на многие года».

В древнерусской литературе также известны были альманахи, и книги эти причислялись к разряду ложных или апокрифических, запрещенных церковью. Первое запрещение альманахов на Руси появилось в XII столетии. Они осуждались и в «Домострое» как непозволительная ересь и чародейство. Максим Грек писал специальное обличение против альманаха, доказывая Священным писанием законопреступность таких книг. При царе Алексее Михайловиче у одного монаха была найдена при обыске «Книга печатная счету звездарского» (печатана в Вене в 1586 году, книга письменная с марта месяца во весь год лунам, и дням, и планетам, и рождениям человеческим в месяцах и звездах), а также тетрадь письменная «О пускании жильной и рожечной крови»; таковы были и статьи

альманахов. При самом дворе царя Алексея нередко были люди, перенимавшие понемногу западные обычаи — мода на альманахи утверждалась и у нас. Дьякон Федор, раскольничий писатель XIII века, прямо упрекал государя, что он «альманашное любит». С течением времени звездочетские альманахи были забыты и место их занял знаменитый «Брюсов календарь», из которого до сих пор наши издатели календарей черпают свои предсказания о погоде. Единственный почти полный экземпляр «Брюсова календаря» находится в Императорской публичной библиотеке, но в нем все-таки не хватает двух страниц.

Вместе с обычаем новогодних поздравлений, вошедших в употребление, как мы сказали, с петровского приказа поздравлять друг друга, в прошлом же столетии явилась мода писать стихи на Новый год, который воспевал Ломоносов в 1753, 1755 и 1764 годах,

а Державин в 1781, 1797 и 1802 году. Стихотворение на новый 1797 год было написано Державиным потому, что он по восшествии на престол Павла I был назначен правителем канцелярии Верховного совета и несколько раз просил у государя инструкций, и, наконец, своею настойчивостью навлек на себя царский гнев, вследствие чего был лишен своего звания и права являться ко двору. Чтобы возвратить к себе благоволение монарха, Державин написал оду на восшествие его на престол под заглавием «На новый 1797 год» и поднес ее императору чрез одного из любимцев его, именно С. И. Плещеева. Ода имела успех, и государь позволил через адъютанта своего князя Шаховского Державину приехать ко двору и представиться, и одновременно дан был приказ начальнику кавалергардов впускать Державина по-прежнему в кавалерскую залу.

1803 год воспел В. А. Жуковский. А. С. Пушкин, хотя не воспевал Новых годов, но зато

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

в своем дневнике под 1 января 1834 года записал следующие строки: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам); меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством? — Доволен, потому что Государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным; а по мне хоть в камер-пажи, только бы не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике».

Мода воспевать Новый год долго держалась: Бенедиктов прославил его в стихах «Вазинки», а Лермонтов на 1 января 1840 года написал чудное стихотворение «Как часто, пестрою толпою окружен...»

КРЕЩЕНИЕ

КРЕЩЕНИЕ

Исследователь быта Руси Забелин говорит, что в древности, по словам иностранцев, в день Богоявления, стекался народ в Москву со всего государства, чтобы видеть освящение воды патриархом на Москве-реке.

К 12 часов утра, а тогдашнему в 24 часу, как только начинал патриарх в Успенском соборе службу, звон колоколов на Иване Великом возвещал народу, что государь идет из своих палат к Красному крыльцу. При появлении царя,

народ, увидев его пресветлые очи, бил челом. Государь шел тихо в обыкновенном выходном платье, опираясь на посох индийского дерева. Парадное царское платье он обыкновенно надевал в соборе, в пределе Димитрия Солунского. В собор за царем входили только высшие чины, а прочие, начиная со стольников, останавливались на рундуке или полоске от Успенского собора до Архангельского. Когда из Западных врат собора начинался крестный ход, царь выходил и останавливался в Южных вратах; патриарх, проходя мимо, осенял его крестом, а духовные власти отдавали ему по два поклона.

Шествие открывал отряд стрельцов от 400 до 600 человек, а также выборные из стремянного и других полков, по 200 от каждого. Все они в парадном платье шли по четыре в ряд. Одни несли золоченые винтовки, ложи которых были украшены перламутровыми раковинами, другие — золо-

КРЕЩЕНИЕ

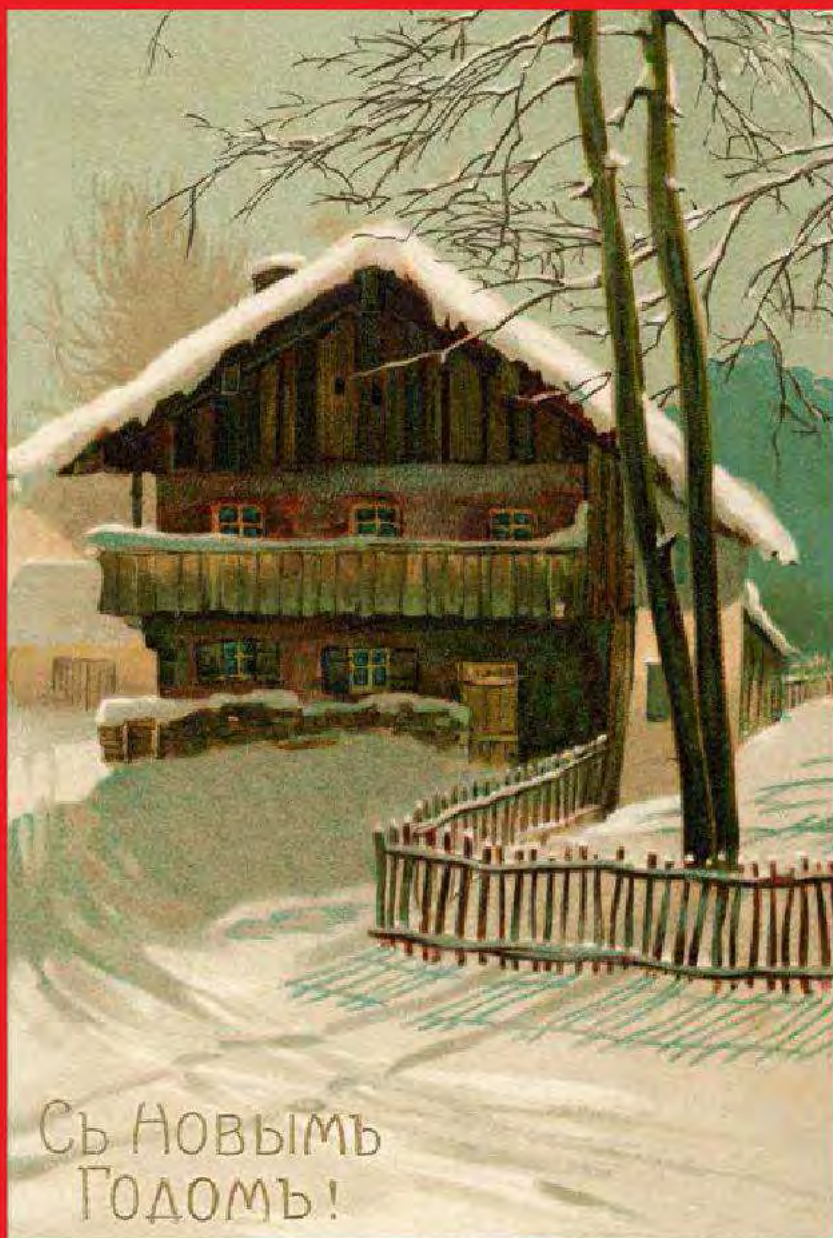
ченые копья, а третьи — с золочеными партазанами, у которых древки были обтянуты желтым или червчатым атласом с золотым галуном. Кроме того, шли два пятидесятника с обоюдоострыми топорами на древках из черного дерева, украшенных серебряными кистями.

Затем следовал крестный ход, замыкавшийся шествием патриарха. Шествие государя открывалось нижними чинами по три в ряд. За ними шел постельничий с царской стряпней; впереди его 12 стряпчих несли государево платье, которое Царь переменил на Иордани.

Перед Тайницкими воротами, над местом, где совершалось погружение креста в воду, устраивалась красивая иорданская сень, карниз которой был расписан красками и украшен крестом наверху. По углам были изображены четыре евангелиста, а внутри — апостолы и самое Крещение Спаси-

теля. Зеленые листья шелковых и жестяных цветов, а также вырезанные из меди и раскрашенные птицы дополняли украшение иордани. Царское место подле иордани имело вид небольшого круглого храма с пятью главами, сделанными из слюды с золочеными крестами. Оно утверждалось на пяти точеных столбах, расписанных по золоту виноградными ветвями, а на резном карнизе колонн помещались высеребренные доски, с «писаны стихи к ердани». Между столбами находились рамы с круглыми слюдяными окнами, писанные по золоту и серебру красками. Одна такая рама служила дверью. Нижняя часть царского места, или самая тумба, стояла на пяти точеных серебряных яблоках и украшалась сквозной золоченой решеткой. Внутри место задергивалось вокруг тафтой. Помост около иорданской сени и царского, и патриаршеского мест ограживался перилами и устилался красным

СЪ НОВЫМЪ
ГОДОМЪ!

КРЕЩЕНИЕ

сукном. На Тайницкой башне в виду всего войска ставился капитан с ясачным знаменем, который давал знак бить в барабаны в честь праздника.

По погружении креста в воду патриарх серебряным ведром черпал воду из иордани и подавал келарю; потом он наполнял также государеву стопу, которую относили во дворец и здесь кропили святой водой иконы. Затем, трижды осенив государя крестом, патриарх кропил его святой водой и поздравлял с торжеством. После того два архимандрита кропили знамена и войска, стоявшие по Москве-реке. Крестный ход возвращался тем же самым порядком в Успенский собор.

Петр Великий, уничтожив сан патриарха, тем самым положил конец многим обрядам, как, например, шествию на осляти и переодеванию царя на иордани, оставив только в этом торжестве кропление знамен, что делается и теперь.

Из записок Порошина, воспитателя Павла Петровича, можно видеть, как праздновался день Крещения в царствование императрицы Екатерины II. Так, под 6 января 1765 года записано: «Когда Ее Величество на сделанную против дворца иордань за церковным собором шествовать изволила, Его Высочество также последовал, но, дошед до дверей аванзалы, изволил пойти в оное и там из окна смотрел на процессию. Все послы и чины, коим измокнуть не захотелось (так как шел мокрый снег), смотрели тут же. От берега до построенной за иорданью беседки по разостланному сукну и коврам стояли кавалергарды. Между них Ее Величество в предшествии всего священного синклита на иордань проходить изволила. Войско стояло вокруг иордани продолговатой фигурой. Всех с гвардиею в строю было 8900 человек; к иордани снесены были знамена, кропили их освященной водой, и при

КРЕЩЕНИЕ

погружении святого креста был произведен троекратный беглый огонь. По окончании пальбы Государыня, сев в сани, объезжала войска, а граф Григорий Григорьевич Орлов ехал возле саней в полном римско-российском уборе кавалергардов, как пожалованный шеф этого корпуса, в шишаке с белым пером, что весьма прекрасный и казистый вид делало».

Бывший в России в это время (в 1765-1766 годах) известный авантюрист Казанова в своих записках пишет: «Я присутствовал зимою, в день Богоявления, при особенном обряде водосвятия на реке Неве, покрытой в это время толстым слоем льда. Церемония эта привлекает бездну народа, ибо после водосвятия крестят в реке новорожденных не посредством обливания, а через погружение нагих младенцев в прорубь на льду». В проруби до сих пор на Руси купаются иногда рядившиеся на святках, хотя это запрещал

делать еще Петр I, которым издан был указ по этому поводу от 17 апреля 1721 года.

Пушкарев в «Описании Петербурга» говорит, что императоры Павел I и Александр I любили присутствовать при крестных ходах из церкви Рождества Иоанна Предтечи, которая находится на Каменном острове при Инвалидном доме императора Павла I для морских солдат. Павел Петрович иногда ранее торжественного освящения воды при Зимнем Дворце присутствовал на крестном ходе на Каменном острове при церкви Иоанна Предтечи, почему там была совершаема ранняя обедня.

Однажды император Павел, подходя с церемонии к иорданскому подъезду Зимнего дворца после крещенского парада, заметил белый снег на треугольной шляпе поручика.

— У вас белый плюмаж! — сказал государь.

Белый плюмаж составлял тогда отличие бригадиров, чин которых в армии по табе-

КРЕЩЕНИЕ

ли о рангах соответствовал статским советникам.

— По милости Божией, ваше величество! — ответил находчивый поручик.

— Я никогда против Бога не иду! Поздравляю тебя бригадиром! — сказал государь, идя во дворец.

Пятьдесят лет тому назад всем парадом 6 января командовал, читаем в «Северной пчеле», его высочество Михаил Павлович, а всей пехотой — государь наследник цесаревич, в бозе почивающий император Александр II. С прибытием во дворец взводов военно-учебных заведений, их высочества Николай и Михаил Николаевичи изволили встать в ряды кадет I корпуса и находиться в строю в продолжение всего парада. Его высочество Константин Николаевич находился при карабинерном взводе лейбгвардии Финляндского полка (которого впоследствии был шефом). По отнoсе знамен

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

во дворец бывшие в параде воспитанники учебных заведений после того были угощены государем в Александровской зале чаем.

Теперь эта церемония совершается почти также, но при 10 градусах мороза наружный парад войск отменяется.

МАСЛЕНИЦА

МАСЛЕНИЦА

I

Р

усская Масленица, как не без основания предполагает Снегирев, ведет свое начало из языческого праздника, совершавшегося предками нашими в честь Волоса, скотья бога. Самые даже яства подтверждают это предположение.

К Новгородской губернии до сих пор существует обычай в день святого Власия, 11 февраля, приносить в церковь для освящения свежее коровье масло,

которое называется «волосным», что напоминает о скотьем языческом боге Волосе, память о котором смутно, но все-таки еще до сих пор сохранилась в русском народе. Новгородская церковь Святого Власия стояла даже на Волосовой улице, т. е. на месте, где прежде стоял истукан бога Волоса.

Канун Масленицы есть Вселенская суббота, или Большая родительская, в которую все православные поминают усопших своих родителей. Этот день по введении христианства святым Владимиром тем более полюбился русским, что он отчасти совпал с древней тризной, которая, принимая указания археологов, что первые насельники Европы были обитатели на месте Руси, перешла и к римлянам, где долгий праздник фебруалий в честь бога Фебрууса заключался февральями, торжественной жертвой по умершим. С принятием Русью христианства неделя, предшествующая Великому посту, называлась вна-

МАСЛЕНИЦА

чале мясопустом, потому что в эту неделю запрещалось есть мясо. Название же Сырной недели и Масленицы явились не ранее XVI века. Всякому ведь известно, что наш мясопуст совершенно соответствует западному карнавалу, название которого составилось из двух латинских слов *carnis vale* т. е. «говядина прощай». Впрочем, другие производят его от слов *catinis aval*, т. е. «говядину поедай».

Итак, Масленица есть чисто русское детище, об этом говорит даже французский писатель Жюль Жанен. По его словам: «Масленица, вероятно, родилась на севере, она дочь мороза. Человек увидал ее, прячущуюся за сугробом снега, а законодатель призвал ее в помощь человеку в самое суровое и печальное время года, и она явилась с жирными румяными щеками, с коварным глазом, с обнаженной грудью, не с улыбкой на устах, но с хохотом. Она заставила человека забыть о зиме, разогрела зазябшую кровь в его

жилах, схватила его за руки и пустилась танцевать с ним до обморока».

Действительно, иностранцы, бывшие на Руси тому назад лет 200, пишут: «Во всю Масленицу день и ночь продолжается обжорство, пьянство, разврат и убийства, так что ужасно слышать о том всякому христианину. Во все время ничего более не слышно, как того-то убили, того-то бросили в воду. Нынешний патриарх (Адриан) давно уже хотел уничтожить этот бесовский праздник, но не успел; однако ж он сократил его на 8 дней».

Так широко праздновали Масленицу на Руси, почему недаром в народе нашем сохраняются доселе поговорки: «Не житье, а масленица»; «Не все коту масленица»; «Сваталась Маланья на масленице, думала-гадала замуж пойти, а того Маланья не ведала, что масленица только ставит молодых на показ»; «Выпили пива на масленице, а с похмелья ломало после радоницы».

МАСЛЕНИЦА

В сочинении Терещенко «Быт русского народа» приведено несколько обычаев, совершаемых в некоторых губерниях на Масленицу и напоминающих собой обряды языческие. Так, в Костромской губернии в последний день Масленицы, в воскресенье, составляется верховая поездка из наряженных мужчин с соломенными на головах колпаками, называемая обозом. Вечером того же дня ряженные выезжают за город и сжигают там свои колпаки, а в деревнях и селах вечером женщины и мужчины, взяв со своего двора по пучку соломы, складывают их в одну кучу и зажигают — это значит: сжигают Масленицу.

В Хвалынском уезде Саратовской губернии возят Масленицу — деревянную куклу, посаженную верхом на лошадь, — и, идя за ней, поют веселые песни. В воскресенье хоронят куклу, что называют похоронами Масленицы.

В Ярославле с четверга поют коляду:

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

УЖ КАК ШЛИ РЕБЯТА-КОЛДОВЩИКИ,
ВИНОГРАД, КРАСНО-ЗЕЛЕНАЯ МОЯ!
КОЛДОВЩИКИ — ВСЕ ФАБРИЧНИКИ,
ВИНОГРАД, КРАСНО-ЗЕЛЕНАЯ МОЯ!

Припев этот повторяют после каждого стиха песни.)

ЛИБ НЕКАКИ ДВОРА ГОСПОДИНА СВОЕГО,
ГОСПОДИН ДВОР НА СЕМИ ВЕРСТАХ,
НА СЕМИ ВЕРСТАХ, НА ОСЬМИ СТОЛАХ,
ПОСРЕДИ ДВОРА, ПОСРЕДИ ШИРОКОГО,
СТОЯТ ТРИ ТЕРЕМА,
ТРИ ТЕРЕМА ЗЛАТОВЕРХНЕ.
В ПЕРВОМ ТЕРЕМУ — КРАСНО СОЛНВИШКО,
ВО ВТОРОМ ТЕРЕМЕ — ЧАСТЬ ЗВЕЗДОЧКИ,
САМ ХОЗЯИН В ДОМУ — ГОСПОДИН В ТЕРЕМУ,
ХОЗЯЙКА В ДОМУ — ГОСПОЖА В ВЕСОКОМ,
МЛАДЫ ДЕВУШКИ В ДОМУ, КАК ОРЕШКИ В МЕДУ.
ВИНОГРАД, КРАСНО-ЗЕЛЕНАЯ МОЯ...

МАСЛЕНИЦА

По окончании песни радушные хозяева дарят колядовщикам деньги и угощают их вином. При прощании колядовщики поют хозяину благодарность:

*БЛАГОДАРЕСТВУЙ, ХОЗЯИН, НА ХЛЕБЕ,
НА СОЛИ, И ЖАЛОКАВЬИ,
ВИНОГРАД, КРАСНО-ЗЕЛЕНАЯ МОЯ!
НАКОРМИЛ, НАПОИЛ, СО ДВОРА ПУСТИЛ,
ВИНОГРАД, КРАСНО-ЗЕЛЕНАЯ МОЯ.*

В некоторых губерниях во время Масленицы существуют еще особого рода потехи.

Например, в Симбирской и Пензенской губерниях на Масленицу строят на реке городок из снега. Городок этот укрепляют башнями, делают в них двое ворот и прорубают вблизи города прорубь. К этому городку собираются множество мальчиков, пеших и конных; пока пешие занимают городок, конные готовятся к нападению; наконец конница по знаку

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

своего начальника бросается на приступ и начинается битва. Осажденные храбро защищают город от конницы, чтобы не допустить их ворваться в крепостные ворота, отбивая их метлами и помелами. Однако конница берет верх и победоносно въезжает в ворота городка. Потом купают в проруби своего начальника, а затем вместе с осажденными разрушают городок с веселыми песнями и возвращаются домой. Такой же обычай существует в Сибири. Недавно написанная картина Сурикова прекрасно иллюстрирует взятие городка.

В Архангельске в четверг возят по городу корабль, убранный разноцветными флагами и испещренный изображениями рыб, зверей и птиц, чучела и шкуры которых развешаны на его мачтах. Поезд корабля сопровождается ряжеными с музыкой и песнями. Обычай этот, вероятно, занесен в Архангельск ссыльными или переселенцами из Москвы и Петербурга, видевшими маскарадные шествия

МАСЛЕНИЦА

на улицах при Петре Великом, о котором сказано будет ниже.

К числу потех Масленицы должно отнести и кулачные бои, которые есть остаток древней военной потехи, ибо наши предки сражались со своими врагами на кулаках, о чем свидетельствует летопись. В XIII столетии во время войны великого князя Киевского Мстислава III против великого князя Юрия Всеволодовича, Мстислав и Владимир, князь Псковский, поощряя своих новгородцев и смолян к сопротивлению против неприятеля, представили на их волю сражаться пешими или на конях, тогда новгородцы отвечали: «Мы не хотим на конях, но, по примеру предков наших, пеши и на кулаках биться».

Было время, когда наши бояре, собравшись повеселиться, свозили из разных городов бойцов для своей потехи. Бойцы казанские, тульские и калужские славились более других, выдерживали сильный бой с татарами,

приезжавшими в Москву с икрой и рыбами, выигрывали большие залого и платились нередко за свою отвагу жизнью. Кулачные бои совершались тремя способами: бой один на один считался самым лучшим. Ужасная, полная драматизма картина такого боя воспроизведена кистью художника Пескова, к сожалению, рано умершего. Затем также практиковался бой «стена на стену», а реже всего допускался бой «сцеплялка-свалка».

Лучшими бойцами «один на один» считались тульские бойцы, а «стена на стену» славились казанские суконщики. «Сцеплялка-свалка» обыкновенно происходила благодаря старикам, которые подзадоривали молодых рассказами и обещаниями также биться. Молодые переходили с вестями из двора во двор, дети выходили на затравку и составляли предвестников сцеплялки. Когда бились «стена на стену», то запасных бойцов каждая сторона уговаривала стоять за ее стену, и они

МАСЛЕНИЦА

выпускались только тогда, когда неприятель пробивал стену. Надежда-боец летел с шапкой в зубах, бил груды на обе стороны, лежащего не трогал и, пробив стену, возвращался с толпой льстецов прямо в кабак. Часто случалось, что слабые бойцы закладывали в рукавицы бабки-чугунки для поражения противника.

Герберштейн, бывавший в России при Иоанне Грозном, также упоминает о кулачных боях, которыми забавлялись москвичи в праздничные дни. Кулачным боем у мальчишек ознаменовывалась встреча Масленицы, перед которой в воскресенье после заутрени церковь наша совершала «действие страшного суда».

На площади, за алтарем Успенского собора, устраивали места для патриарха и царя. Против патриаршеского места ставили козел или рундук (подмости), обитый красным сукном, куда приносили образ Страшного

суда, большой налой с наволокой под икону Богородицы и под Священное Евангелие и приготавливали стол для освящения воды.

Самое действие совершалось по особому «чиновнику», или уставу, и состояло в пении стихир, в освящении воды и чтении на четыре страны Евангелия, после которого патриарх отирал губкой образ Страшного суда и прочие иконы, вынесенные к действию. По окончании действия патриарх осенял крестом и кропил святой водой государя и духовных и светских властей. Это действие происходило иногда и в самом Успенском соборе, а за болезнью патриарха и совсем отменялось. Перед выходом на действие рано утром государь совершал обход тюрем и приказов, где сидели колодники, и всех богаделен; там раздавал он своеручно милостыню и освобождал преступников.

Народ наш называет Масленицу честной, широкой. Все дни Сырной недели имеют свои

МАСЛЕНИЦА

особые названия: встреча — понедельник, заигрыш — вторник, лакомка — среда, разгул, перелом — четверг, тещины вечерни — пятница, золовкины посиделки — суббота, проводы, прощанья, целовальник, прощенный день — воскресенье.

На первый день Масленицы русский народ справляет встречу чистой Масленицы — широкой боярыни. Дети с утра выходят на улицу строить снежные горы, скороговоркой причитывая: «Звал-позывал чистый Семик широкую Масленицу к себе в гости на двор. Душа ль ты моя, Масленица, перепелиные твои косточки, бумажное тельце, сахарные твои уста, сладкая твоя речь, приезжай ко мне в гости на широкий двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться» и т. д.

Неизвестно, когда и кем позывание Масленицы перенесено было на лубочные картинки. После такой встречи дети сбегают с гор и кричат: «Приехала Масленица, приехала

Масленица!». Встреча оканчивается, как уже сказано выше, кулачным боем. В некоторых местностях мальчишки готовят утром соломенную куклу, которую с вышеприведенным припевом ввозят на гору. Зажиточный люд начинал встречу Масленицы посещением родных. С утра свекор со свекровью отправляли невестку на день к отцу с матерью, а вечером сами приходили к сватам в гости. Тут за круглой чарой условливались, когда и где проводить время, кого звать в гости, когда кататься по улицам. К первому дню Масленицы устраивали горы, качели висячие и круговые, балаганы для скоморохов, столы со сладкими яствами. Не ходить на горы, не качаться на качелях, не потешаться над скоморохами значило в старину — жить в горькой беде, а то при старости лежать на смертном одре, сидеть калекой без ног.

Богатые люди с понедельника начинают печь блины, а бедные — с четверга или

МАСЛЕНИЦА

пятницы. В старину первый блин отдавался нищей братии на помин усопших. В селениях степной полосы первый блин кладут на слуховое окошко для душ родительских и старухи, кладя блин на это окно, приговаривают: «Честные наши родители, вот для вашей души блинок». Опару для блинов стряпухи готовят с особыми обрядами. Одни опару готовят из снега на дворе, когда выйdet. Здесь они причитывают: «Месяц, ты, месяц, золотые твоя рожки! Взглянь в окошко, подуи на опару», — от этого будто блины бывают белые и рыхлые. Другие выходят вечером готовить опару на речку, колодезь или озеро, когда появятся звезды.

Приготовление первой опары содержится в величайшей тайне от всех домашних и посторонних. Малейшая неосторожность стряпухи наводит на хозяйку тоску на всю Масленицу. Где нет свекра или свекрови, а молодые встречали первую Масленицу, тещи

приходили к зятьям учить своих дочек печь блины. В старину зятя и дочери приглашали заранее таких гостей поучить их уму-разуму. Это призвание считалось нашими бабушками за великую честь; о нем говорили все соседи и родные. Званая теща обязана была прислать с вечера весь блинный снаряд: таган, сковороды, половник и кадку, в чем ставят блины. Тесть присылал мешок манной и гречневой муки и кадушку коровьего масла. Неуважение зятя к этому обычаю считалось бесчестием и обидой и поселяло вечную вражду между тещей и зятем.

На заигрыши с утра принимаются девицы и молодцы покататься на горах, поесть блинов. В богатых домах к этому дню братцы устраивали горы для сестриц среди двора. Матушки посылали позываток с наказом: «У нас-де горы готовы и блины напечены — просим жаловать». Позываток встречали с почетом и приветом, угощали вином и бли-

МАСЛЕНИЦА

нами и отпускали, прося: «Кланяться хозяину и хозяйке с детками и со всеми домочадцами, а деток своих пришлем к вечеру». Отказ всегда объявлялся условленным, общим выражением: «У нас-де состроены у самих горы и прошены гости». Соседи толковали такие отказы по-своему: «Здесь-де начинается разлад и дочку прочат за другого». Вообще надо заметить, что все масленичные удовольствия клонились к сватовству, чтобы после Великого поста сыграть на Красной горке свадьбу.

Гостей принимали и встречали у ворот, у крыльца и у образной. После нескольких угощений отпускали покататься на горы, где братцы высматривали невест, а сестрицы поглядывали украдкой на суженых.

На лакомки, в среду, тещи принимали своих зятьев к блинам, а для забавы любимого зятя сзывали всех своих родных. В Туле тещи для зятя пекут еще блинцы, оладьи и творожнички. В Нерехте бывает съезд из деревень девиц,

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

молодых и пожилых, где они в праздничных платьях катаются отдельно от мужчин. Насмешливый наш народ составил несколько песен о заботливости тещи при угощении зятя. Эти песни вечером поют холостые с розовыми олицетворениями: наряженный медведь играет разные фарсы, как теща про зятя блины пекла, как у тещи головушка болит, как зять-то удал теще спасибо сказал.

В широкий четверг начинается масленичный разгул: катанье по улицам, разные обряды и кулачные бои. В Переяславле-Залесском, Юрьеве и Владимире возили еще не так давно по улицам мужика. Для поезда выбирали огромные сани, утверждали в середине столб, на который привязывали колесо, а на него сажали мужика с вином и калачами. За этими санями тянулся поезд с народом, который пел и играл. Прежде в Зарайске возили на санях дерево, украшенное лоскутами и бубенчиками, в сопровождении толпы народа. В Сиби-

МАСЛЕНИЦА

ри Масленица возится на нескольких санях, на которых устраивается домик или корабль.

На тещины вечерни зятя угощают своих тец блинами. Приглашения бывают почетные, со всей родней к обеду, или запросто, на один ужин. Прежде зять обязан был с вечера лично приглашать тещу, а потом утром присылать парадных позываток. Чем более бывало званых, тем теще более оказывалось почести. Дружко, или сват, приглашался к таким порядкам позывом, а за свои хлопоты от обеих сторон получал подарки.

На золовкины посиделки молодая невестка приглашала родных своих к себе в гости. Если золовки были еще в девушках, тогда невестка созывала старых подруг своих — девушек, если же они были выданы замуж, то она приглашала родню замужнюю и со всем поездом развозила гостей по золовкам. Новобрачная невестка обязана была дарить своих золовок подарками.

Проводы Масленицы и прощание отправляются на Руси с различными обрядами. Проводы честной Масленицы в Симбирской, Саратовской и Пензенской губерниях состояли в разъездах по городу и селам. Для поезда сколачивали несколько дровень и саней. В передние ставили столб и на него клали колесо, на которое сажали мужика опытного в разных забавах и причитаниях. Вместо лошадей запрягали разукрашенных людей. Такой поезд разъезжал по всем улицам; впереди и вокруг него пели, играли и плясали скомоорохи и колоброды, приходившие из деревень забавляться с городскими весельчаками.

Прощальный поезд в Ярославле называется «околки», в Нерехте — «обоз», в Туле — «круг» или «конец». В Нерехте на проводах сжигают Масленицу. Вечером после всех гуляний и забав выходит молодой народ; женщины и мужчины, девицы и дети из своих дворов с соломой. При пении песен сжига-

ЛАСЛЕНИЦА

ется солома. Прощание бывает с живыми и покойниками. В Туле и Зарайске выходят на кладбище утром и на могилах просят прощения у покойников, с кладбища заходят прощаться со священником. Новобрачные ездят по своим родным, одаривают тещу с тещей, сватов и дружек за свадебные подарки. Здесь кроме подарков приносились и пряники, испещренные узорами и надписями: «Кого люблю — того дарю», «От милого подарок — дороже золота» и т. д. Тульские пряники, белевские медовики, вяземские коврижки считались у наших дедов дорогими подарками. На Прощеный день ездят также отдаривать кума с кумой. За ризки и первый зубок привозят соответственные подарки, но и здесь пряники составляли необходимую принадлежность. В деревнях самый почетный подарок для кума состоит из полотенца, а для кумы — из бруска мыла. Прощение между родными и знакомыми

происходит вечером. Дети кланялись в ноги своим родителям и просили прощения; после них приходили все близкие знакомые.

В Чистый понедельник собирались ребяташки и, держа в руках ухваты и сковороды, обернутые в тряпки, кричали, подходя к каждому дому: «Мы Масленицу прокатили, святые вечера проиграли, рождествен пост пропряли, свет ты наш, Масленица, дорогая, неумытая, где ты ночку ночевала? Под кустом на дорожке ехали скоморошки, вырезали по пруточку, сделали по гудочку: ”Вы, гудочнички, не гудите и вы нашу Масленицу не будите — пора перестать пить, есть да спать. Пора перед Богом встать!.. »

В том, как повсеместно соблюдался обряд Прощеного дня, сохранилось очень любопытное описание в актах Археографической комиссии 1598 года «Об избрании в Цари Бориса Годунова»: «Митрополиты, архиепископы и епископы благословиша Царя, и прощение

МАСЛЕНИЦА

подаша ему, и от него прощение купно получиша». Иностранный писатель Маржерет отмечает между прочим все подробности Прощеного дня 1698 года. Таким образом, обряд этот соблюдался в старину повсюду: от царского терема до самой убогой хижины.

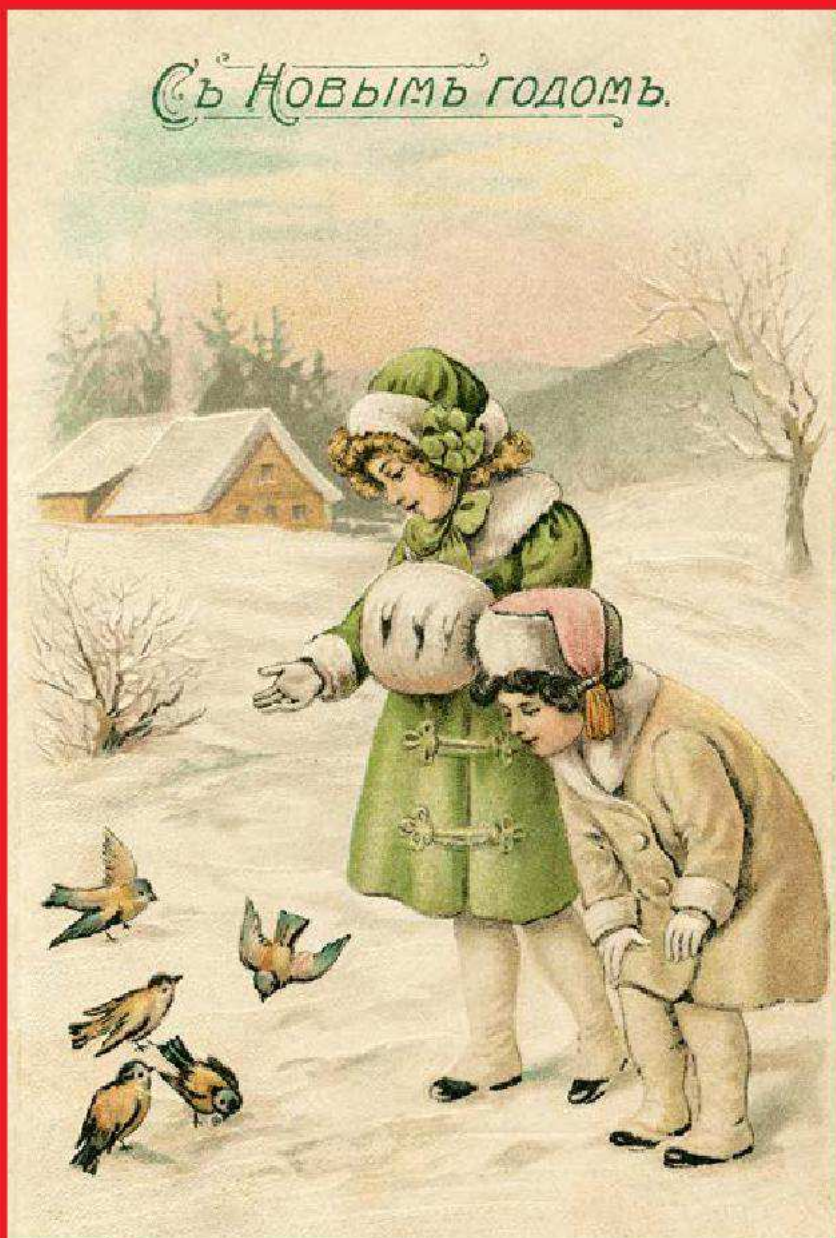
Государи наши в XVI и XVII столетиях в среду на Масленице посещали городские монастыри, прощались в них с братией и больничными старцами и жаловали им денежную милостыню. Царь ездил в загородные монастыри в четверг, а чаще в пятницу, в Новоспасском-же монастыре государи из дома Романовых прощались у гробов. В субботу царь в сопровождении бояр и патриарха ходил для прощания к царице, к которой съезжались также боярыни для прощания по особому официальному указу.

В Прощеное воскресенье перед литургией приходил прощаться к государю патриарх со всеми духовными властями, в предшестве

соборного ключаря, который нес крест и святую воду. Отпустив патриарха, царь совершал обряд прощания со своими придворными, жалуя их к руке, причем по правую и левую сторону его стояли первостепенные бояре; из них стоявший справа держал государя под руку. Вечером царь ходил в Успенский собор, и здесь патриарх совершал обряд прощания по чину; после молитвословий государь подходил к патриарху и, испрашивая прощение, прикладывался к кресту. Из собора государь шествовал прощаться к патриарху в сопровождении бояр; патриарх принимал царя в Крестовой палате. В сенях и на лестнице встречали государя митрополиты, архиепископы и епископы. Сказав «Достойно» и «Молитву приходную», патриарх снова благословлял государя и бояр, после чего все садились по лавкам. В сенях Крестовой палаты ставили заранее царский питейный поставец Сытного дворца с разными фряжскими винами:

СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ.

ЛАСЛЕНИЦА

романеёй (настойка на сладком виноградном вине), ренским, бастрой (канарское вино) — и русскими: красным и белым медом. За поставцом сидели думский дворянин с дьяком, которые заведывали приказом Большого дворца, а у поставца находились степенный и путный ключники, чарочники и дворцовыестряпчие.

Посидев немного, царь приказывал нести государево питье. Налив три кубка романей, ренского и бастры, думный дворянин сдавал их стольникам, которые чинно, один за другим, с кубками в руках входили в палату и подносили пития патриарху. Он отливал из каждого для себя, а потом подносил к государю «всех питей по три кубка». Государь откушивал, и стольники возвращали их на поставец. После того тем же самым порядком подносили кубки и боярам. Во второй раз с той же церемонией подносили в золотых ковшах красный мед: государю по три ковша,

а боярам — по одному. Наконец подносили в серебряных ковшах белый мед, а затем государь жаловал, иногда из своих рук, чашами духовных особ. Когда оканчивались эти «прощальные чаши», государь с патриархом оставались некоторое время одни. Потом входили бояре, и патриарх, встав с места, говорил опять «Достойно» и «Прощание», т. е. прощальную молитву «Владыко многомилостив», и благословлял государя и его свиту.

Не менее трогательный обычай прощания монашествующей братии с настоятелем и другом в Прощеное воскресенье перед Великим постом. Церковь посвящает этот день богослужебному воспоминанию об изгнании наших падших прародителей из рая и останавливает наше внимание на том, как принял Адам изреченный ему правосудием Божиим приговор за преступление, раскаявшись от всего сердца, почему требует и Святая Церковь, чтобы помирились друг с другом.

От патриарха государь направлялся в Чудов и Вознесенский монастыри, в Архангельский и Благовещенский соборы, где прощался у святых мощей и гробов родителей. Пришедши во дворец, в одной из приемных палат, царь прощался «с людьми у крюка», т. е. с комнатными служителями. В этот же день государь приказывал докладывать начальникам всех приказов о колодниках, которые в каких делах сидят многие лета. По этим представлениям освобождались заключенные, которые были осуждены за небольшие преступления.

С наступлением первой недели Великого поста, во вторник после обедни, во дворец съезжались стряпчие из тридцати пяти монастырей и подносили государю и каждому чину царской семьи от каждого монастыря по хлебу, по блюду капусты и по кружке кваса, изготовлением которого при Михаиле Феодоровиче славился монастырь Антония Сийского (Холмогорского уезда Архангель-

ской губернии), куда государь посылал для ученья варить квас своих хлебников и пивоваров. Приказав принести этот обычный дар, государь жаловал монастырских стряпчих погребом, т. е. поил их вином, пивом и медом. Те же монастыри подносили хлеба, капусту и квас патриарху, боярам и своим вкладчикам.

На первой же неделе поста, в среду или субботу, по окончании обедни, в столовой избе государь сам раздавал боярам и прочим чинам укруги, т. е. ломти калача, фряжское вино и разные сласти: сушеные и вареные в сахаре, меду и патоке фрукты. К патриарху с укругой царь посылал стольника, иногда же боярина, а к властям — дворовых людей.

В пятницу на той же неделе патриарх в Успенском соборе молитвословил над коливом — вареным пшеном, приправленным медом и сладкими ягодами, которое раскладывал на серебряные блюда и с соборным

МАСЛЕНИЦА

протопопом посылал царю и всем особам царского дома.

В воскресенье, перед второй неделей поста, Церковь совершала «действие Православия» в память восстановления благочестия и почитания святых икон, причем возглашалась вечная память православным и анафема еретикам.

II

Гулянье на масленичной неделе в Москве исстари бывало на Москве-реке и на Неглинной, которая протекала около западной стены Кремля, где теперь Александровские, или Кремлевские, сады. Обе эти местности лежали, как и теперь, против хором, или дворцов, царских, обращенных к ним своей лицевой стороной. На Москву-реку выходил Большой дворец, а на Неглинную речку — Потешный. Как на той, так и на другой местности строились катальные

МАСЛЕНИЦА

горы для увеселения народа до самого конца XVIII столетия (1790-х годов), а на Москвереке, кроме гор, бывали конные ристалища и бега рысистых лошадей. Московские старожилы помнят, что на берегах Неглинной, против Потешного дворца, занимаемого московским комендантом, не только на Масленицу, но и в праздники бывали довольно сильные кулачные бои, в которых принимали участие московские купцы и даже чиновники.

Кроме этой местности, кулачные бои бывали на Бабьем городке, где теперь водопроводная башня, на Пороховом дворе, около Красного пруда, на месте которого стоит теперь здание Николаевского вокзала, у Москворецкого и Доргомиловского (Бородинского) мостов, на Крутицах и на Красном Холме, на котором еще по воскресным дням полиция в 1860-х годах разгоняла бойцов.

Говоря о чисто русских забавах на Масленой, нельзя не упомянуть об удовольствиях

или развлечениях, которые перешли к нам из-за моря, почему русский народ долго их называл заморскими, например, петрушки, комедии с паяцами, райки, карусели и шарманки.

Начало этих увеселений относится к царствованию Алексея Михайловича, но главным насадителем иноземных забав на Руси был Петр I. При нем во время Масленицы начали строить балаганы и карусели на площадях и целые поезда маскированных ездили по московским улицам. Бояре и боярыни, считавшие прежде за великий грех наряжаться (здесь достаточно вспомнить боярина Гвоздева, который при Иоанне Грозном решил лучше умереть, чем надеть на себя маску), повинувшись воле Петра, усердно рядились и переодевались по несколько раз в день.

Горы и балаганы при Петре I строились в Москве на площади, где теперь Запасный дворец, или двор, и Красные ворота, которых тогда еще не было. Когда еще Петр Алексее-

МАСЛЕНИЦА

вич жил в Москве, то он всегда в понедельник на Масленице приезжал на эту площадь, качался с офицерами на качелях и тем открывал гулянье.

К 1722 году после Нейштадтского мира Петр Великий дал в Москве невиданный до того маскарад, начавшийся в четверг Сырной недели, когда выезжал большой поезд из Всесвятского села, где собрано было с вечера множество судов разного вида и разной величины, полсотни саней, запряженных разными зверями. По данному ракетой сигналу сухопутный флот, напоминавший собой времена Олега, на полозьях и колесах потянулся длинной вереницей от Всесвятского к Тверским триумфальным воротам.

Шествие открывал арлекин, ехавший на больших санях, запряженных шестью лошадьми, шедшими гуськом одна за другой и украшенных побрякушками. В других санях ехал князь-папа Зотов, облаченный в черную

мантию из красного бархата, подбитую горностаем, а в ногах его восседал Бахус на бочке, за ним свита, замыкаемая шутом, который сидел в санях, везомых четырьмя свиньями. Потом началось шествие самого флота под предводительством Нептуна, сидевшего на колеснице, запряженной двумя сиренами, с трезубцем в руках. В процессии находился и князь-кесарь Ромодановский в царской мантии и княжеской короне. Он занимал место в большой лодке, которую тащили два живых медведя.

Наконец, появилась громада — 88-пушечный корабль, построенный совершенно по образцу корабля Фридемакера, опущенного на воду в марте 1721 году в Петербурге. Он имел три мачты и полное вооружение до последнего блока включительно. На этом корабле, везенном шестнадцатью лошадьми, сидел сам Петр I в одежде флотского капитана с морскими генералами и офицерами и маневрировал им как бы на море.

С Рождеством
Христовым!

За этим кораблем следовала раззолоченная гондола императрицы, бывшей в костюме фрисландской крестьянки, а свита ее состояла из придворных дам и кавалеров, одетых по-арабски. За гондолой появились настоящие члены маскарада, известные под именем «неугомонной обители». Они сидели в широких длинных санях, сделанных наподобие драконовой головы, и были наряжены волками, журавлями, медведями, драконами, представляя в лицах Эзоповы басни. Такое пестрое и чудное маскарадное шествие через Тверские ворота потянулось в Кремль при пушечных выстрелах, куда и прибыло к вечеру. На следующий день, а также на третий и 2 февраля сбор назначен был у ворот, построенных тогда купечеством. Этот маскарад окончился великолепным фейерверком и пиршеством. В продолжении четырех дней московского карнавала участвовавшие в нем особы переменили по несколько раз свои костюмы.

Крайне интересно письмо современника-очевидца, резидента короля польского Лефорта, напечатанное в III томе Императорского исторического общества, который подтверждает все описанные нами подробности и, кроме того, говорит, «что все собрались у князя Меншикова во дворце Лефорта за 8 верст от города, где живет княгиня Имеретинская, родом из Грузии. Весь поезд провел там ночь. На другой день был торжественный и великолепный въезд в Москву. Гуляли по различным местам города и, пройдя мимо Кремля в центре, увидели на пьедестале помещенную маленькую четырехвесельную шлюпку. Это была модель первой шлюпки в России, сделанной в царствование Ивана Васильевича. На следующий день после двенадцати часов мы были уже на Тверском бульваре, где составили гулянье в два ряда, продолжавшееся до ночи. Это зрелище производило большой эффект, и я сам неоднократно удивлялся, как

эта огромная машина, как фрегат, маневрировала так проворно. Третьего числа мы собрались в одном из домов Его Величества, но в этот день мы не могли предпринять никакого гулянья, потому что шел сильный снег. Все отправились к князю Меншикову, который давал бал. Вечером герцог Голштинский угощал свиту Царя. Четвертого гуляли по Немецкой слободе, потом отправились в село Преображенское, где Его Величество принял нас, и мы отпраздновали именины Великой Княгини Анны. В этот день был фейерверк. Пятого мы все еще были в Тверском форштадте и гуляли, оттуда мы отправились на Царицын луг, где царь нас угощал и где опять был фейерверк, чем и закончили праздник. Нельзя сказать, чтобы во время этого гулянья вино пили насильно и принужденно; напротив, мы иногда порядком мерзли. На другой день Ее Величество оделась иначе. Она явилась амазонкой со всем двором и всадниками,

одетыми матросами. Насчитывали до тысячи масок».

После кончины Петра Великого прекратились маскарады до воцарения императрицы Елизаветы Петровны, которая любила наряжаться, так как к ней очень шел мужской наряд, о чем свидетельствует даже императрица Екатерина II. В царствование Елизаветы Петровны масленичные катания были в любимом ею селе Покровском, в саду которого в зимнее время устраивались постоянные катальные горы, и с них-то катались не только придворные дамы, но и сама императрица, съезжавшая стоя на лыжах.

Императрица Екатерина II также любила народные забавы и после своей коронации справляла на Масленице на городских улицах в Москве трехдневный маскарад, сочиненный актером Волковым (который простудился во время этих праздников и умер), под названием «Торжествующая Минерва».

МАСЛЕНИЦА

Сумароков сочинил песни и хоры. Составились важные и смешные отделения с приличными символами: так, на высокой колеснице изображался Парнас, Аполлон, музы. Тут восседал Марс с героями в полных доспехах. Здесь видели Палладу со шлемом на челе и копьем, у ног ее сова с математическими инструментами. Далее являлся Бахус с Силеном, с вакханками под балдахином и т. д. Всех колесниц считалось до двухсот пятидесяти, некоторые из них были везомы двенадцатью, а другие двадцатью четырьмя волами, действующих лиц находилось до четырех тысяч. Придворные актеры разъезжали верхами при отделениях для распоряжений. Повсюду гремела музыка: роговая, духовая, струнная — и песни, хоры заключали нравоучения. Этот единственный в своем роде маскарад собирался всякий день на поле перед Аннинским дворцом, двигался через всю Немецкую слободу на Новую Басманную до Белого города

и возвращался к Старой Басманной через мосты Ехалов, Салтыков до Зимних гор, иллюминированных разноцветными фонарями.

Горы и балаганы при Екатерине II устраивались на Москве-реке против Воспитательного дома, между Москворецким и Устьинским мостами, где они продолжали существовать и в царствование императоров Павла, Александра и Николая, а по обоим берегам бывали великолепные катания в богатых и роскошных экипажах.

Катальные горы строились с затейливыми башенками, на которых развевались разноцветные флаги, а вдоль гор вместо барьера в два ряда стояли елки, а между ними статуи изо льда и снега.

Кроме названных мест, горы еще находились на гагаринских Трехгорных прудах (дача Студенец, принадлежащая Обществу садоводства). Самые же лучшие гулянья и катания происходили от Кремля через Маросейку

МАСЛЕНИЦА

и Покровку по Старой Басманной на Разгуляй, находящийся на распутье четырех дорог, где существовал один из самых веселых и искусовых для гуляк тракторов с плясунами, песельниками, гуслитами и торбанистами, откуда прокатывались через Покровское село до самого Покровского моста, иногда и далее. Это было самое модное и людное, хотя монотонное гулянье. Но самые одушевленные, ухарские катания происходили в Ямских слободках: Тверской, Рогожской и Дорогомиловской особенно в субботу и в Прощеное воскресенье, там мчались в обгон тройки с глухарями, т. е. бубенчиками.

Первое место на Масленице занимали, конечно, блины (в священном писании «млины»), которых обычай позволял есть до пересыта, упиваться до недвижности или, по пословице: «Есть до икоты, пить до перхоты, петь до насады, плясать до упаду». Хозяева говаривали: «У нас в доме только вино

да пиво, а воду кладите себе в сани, годится для бани, да и вода отсюда недалеко, и ходить к ней склизко, пируйте, сидите да других не тесните, кто хочет — веселися, хоть с лавки свалился». Но рядом с этим запрещалось употреблять в пищу рогатых, крылатых, рылатых и носатых животных, исключая рыб-водоплавок, икру и визиги нежно-розовой семги и блестящей алмазалии.

На Масленой и бедняки ничего не жалели. «В Москве недороду хлеба не бывает, — говорил простолудин, — Астрахань богата осетрами, Сибирь — соболями, а Москва — хлебом да калачами; губы да зубы — два запора, держи их на Масленице настезь; выпьет вина — не убавит ума, только не проливай; коль мужик богатенький, так у него стакан пузатенький; кто чокается, тот и чмокается».

Масленицу на лубочных картинках изображали в виде румяной толстой бабы, сидящей на сковороде с двумя ухватами и с высу-

МАСЛЕНИЦА

нутым изо рта помелом вместо языка, а внизу подпись: «У нас печки муравлены, подики медные, помелечко шелковое, обмакивано в сыту медвленную».

Вот поэтическое описание Масленицы в старинных курьезных стихах, не лишенных юмора, взятых из «Сатирического вестника» 1790 года:

*ВОТ ВАМ РУМЯНАЯ И ЖИРНАЯ БОГИНЯ,
ОБЖОРСТВА И ПИТЬЯ И ДРАК ВСЕХ ГЕРОИНЯ,
ШАТАЕЯ ПО ГРАДАМ, ПО СЕЛАМ, ДЕРЕВНЯМ,
ВСЕГДА, ВЕЗДЕ СЛЕДЫ ВРЕДА ЯВЛЯЕТ НАМ;
НО ЕЮ ПРОСТАКИ, ИЗДАВНА ЗАРАЗИВШИЕСЬ,
РУМЯНАМИ ЕЕ И ЛОСКОМ ОСЛЕПИВШИЕСЬ,
НЕ МОГУТ И ДОДНЕСЬ ПРЕСТАТЬ ЕЕ ЛЮБИТЬ —
НЕЛЬЗЯ РОСКОШНИЦУ ТАКУЮ ПОЗАБЫТЬ!
ЕИ СМЕРТНЫХ ПОСЕТИТЬ,*

*КАК ВРЕМЯ ЛИШЬ НАСТУПИТ,
РЕБЯТАМ ПОД БОКА ВДРУГ КОЛКА ПРИСТУПИТ,
НЕ МОГУТ ПОСИДЕТЬ СПОКОЙНО НИ НА ЧАС,*

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

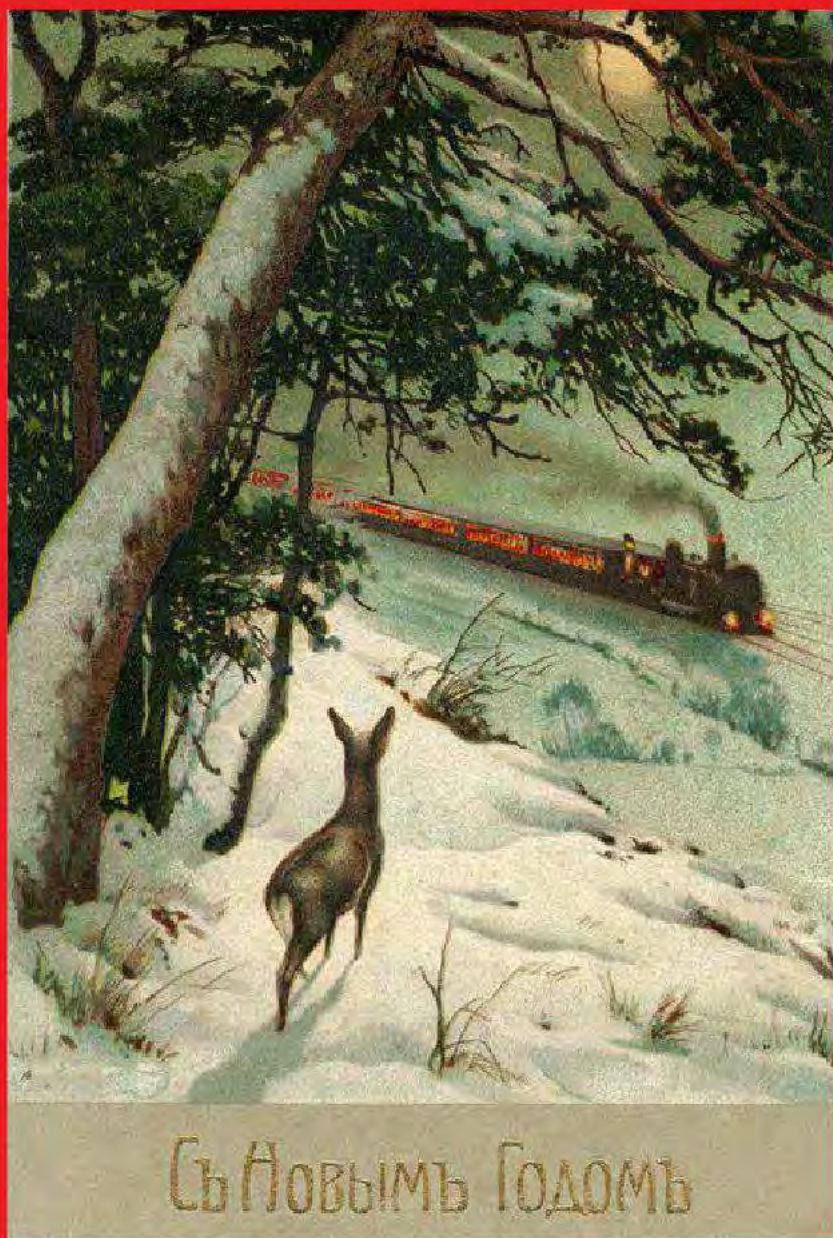

**ВСЕМ ХОЧЕТСЯ С ГОРЬ ХОТЬ ПРОКАТИТЬСЯ РАЗ.
И ВСПОМНИВШИ ЕЕ В ГОДУ ПРОШЕДШЕЙ ЛАСКИ,
ЛЕТАТ НА ВСТРЕЧУ К НЕЙ, УСЕВШИСЬ НА САЛАЗКИ,
И Т. Д.**

В начале 1840-х годов на Масленице такая сделалась оттепель, что вода выступила поверх льда и грозила разрушить балаганы. Комедианты и содержатель зверинца принуждены были перебраться на остальное время Масленицы в лежащие против этой местности лабазы и там продолжали показывать честному люду свои фокус-покусы.

С этого времени во избежание могущего случиться несчастья запрещено было строить балаганы на Москве-реке и их перевели под Новинское, где они строятся и поныне.

Дет пятьдесят тому назад все Новинское, начиная от самого Кудрина и кончая Смоленским рынком, почти сплошь было покрыто балаганами и палатками, которые заканчи-

Съ Новымъ Годомъ

ЛАСЛЕНИЦА

вались в конце рынка большим шатром, известным в народе под именем «Колокола», где блаженной памяти откупщики устанавливали свои винные бочки и продавали русский пенник.

Гулянье под Новинским, как и теперь, начиналось от Кудринской площади. В начале гулянья красовалась деревянная изящная кофейная, которую содержал известный в то время трактирщик С. И. Печкин. Кофейная эта во время всего гулянья постоянно была набита самым отборным обществом и отъявленными франтами-кутилами; музыка, цыгане оглашали воздух, а удалая молодежь бросала деньги, как щепки, и шампанское лилось рекой.

Позади кофейной построены были горы, а за ними балаганы и палатки, где можно было найти за дешевую цену чай, водку, вино и приличную закуску; затем ближе к Смоленскому рынку шли качели, расписанные

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

разными цветами и травами, коньки и петрушки. «Колокол» заканчивал гулянье.

Выражение «пойдем под колокол» значило «пойдем выпьем». Катанья в экипажах под Новинским до того были многочисленны, что иногда тянулись в два ряда непрерывной цепью вплоть до Зубовского бульвара и объезжали кругом всего Новинского вала. За коляску или карету платили извозчикам 50, 30 рублей, да и за эти деньги нельзя было найти экипажа — все разбиралось нарасхват.

III

Петр Великий и в основанном им Петербурге потешался на Масленице маскарадным зрелищем. Маски, собравшись, по пушечному выстрелу на площади против собора Святой Троицы (что на Петербургской стороне), у так называвшейся пирамиды четырех фрегатов, по сигналу, данному самим государем, который был одет барабанщиком, снимали плащи и показывались в своих костюмах. Тут посреди испанцев, греков, турок, китайцев и индейцев являлись карлы с длинными бородами,

возившие на тележках высоких царских гайдуков, спеленатых как дети. Потом следовали веселые, одушевленные катания, где между множеством огромных саней, сделанных наподобие лодок, в которых сидели замаскированные члены царской фамилии, иностранные министры и знатнейшие особы обоего пола. Видны были Нептун в раковине с трезубцем, влекомый двумя сиренами, Бахус с кубком в одной и с лавровым венком в другой руке, царский шут, одетый медведем, в санях, запряженных шестью медведями; камчадал с камчадалкой, ехавшие в нарте на собаках, и в заключение — масса арлекинов и масок, представлявших разных зверей и птиц.

Эти маскарады продолжались целую неделю. Участвовавшие в них еще за несколько дней собирались во дворец князя Меншикова (теперь здание Первого корпуса на Васильевском острове) для репетиций, и он

МАСЛЕНИЦА

каждому лицу указывал его место в процессии. Все принадлежащие к ней маски должны были ходить во все это время в своих костюмах под опасением штрафа в 50 рублей.

К самому основанию Петербурга горы и балаганы для Масленицы строились на Неве между крепостью и Зимним Дворцом. Здесь же Бирон в последние дни своего могущества на Масленице дал петербуржцам невиданное зрелище. Ему вздумалось для развлечения императрицы Анны Иоанновны выстроить ледяной дом; начались спешные работы, которые благодаря стоявшим жестоким морозам, доходившим до 40°, двигались быстро, и ледяной дом вскоре был готов.

В этом ледяном доме назначено было дать народный маскарад, для которого, по распоряжению Бирона, было выслано в Санкт-Петербург из всех губерний по два человека разных племен, населяющих Россию.

Все эти затеи делались для свадьбы шу-та императрицы князя Голицына, известного в своем шутовском чине под названием «квасника», человека образованного, путешествовавшего за границей и впавшего в немилость лишь потому, что в бытность в Италии он принял католическую веру для того, чтобы жениться на прелестной итальянке. Эта жена князя Голицына в 1786 году была разыскана в Москве и отослана в Петербург, но какая постигла ее участь, неизвестно.

По приказу кабинет-министра Волынского, придворный пиит Тредьяковский написал приличные случаю стихи, которые начинались так:

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЖЕНЩИЦЫ ДУРАК И ДУРА

ЕЩЕ . . . ТОТА И ФИГУРА.

ТЕПЕРЬ-ТО ПРЯМОЕ ВРЕМЯ ВАМ ПОВЕСЕЛИТЬСЯ,

ТЕПЕРЬ-ТО ВСЯЧЕСКИ Поезжанами

ДОЛЖНО БЕСИТЬСЯ!

ЛАСЛЕНИЦА

Описание ледяного дома с гравюрами было сделано академиком Крафтом, а сам пресловутый ледяной дом послужил темой для известного романа Лажечникова, из которого приводим художественное описание этого оригинального праздника:

«**В** назначенный день к крыльцу между ледяным домом и дворцом подъехала золотая десятистекольная карета, запряженная восьмью неаполитанскими лошадьми, украшенными золотой сбруей и страусовыми перьями на головах. В ней сидела Государыня Анна Иоанновна с придворной дамой. Когда поезд тронулся, двенадцать пеших гайдуков сопровождали лошадей по шести со стороны. Кучера, сидевшие на козлах, одеты были в ливрейные шубы, украшенные золотыми галунами, в башмаках и шелковых чулках. Блестящие пажи во французских кафтанах и блондах окружали карету Государыни. Два араба в золотых шубах и в белых чалмах.

Двенадцать сержантов верхами в гренадерских мундирах и в шляпах с плюмажем охраняли карету. Позади этой кареты следовало несколько других с Великими княжнами. За ними, в карете же, следовал Бирон, окруженный гусарами, скороходами, егерями и пажам. Рядом с ним — его жена, с головы до ног залитая в бриллианты, которые оценивали в два миллиона. В хвосте придворного кортежа ехали непридворные. Рота гвардейцев открывала шествие; треугольные шляпы солдат украшены были еловыми и дубовыми ветвями, у офицеров — лаврами. Вот выступает громадный слон в теплых котах. Вожак с молотком сидит на хребте. На спине была помещена железная клетка, в которой сидели шут Кульковский с Подачкиной; оба, сидя один против другого, блистали бархатом и золотом. Они ехали из церкви на обед, сопровождаемые оригинальной свитой. За экипажем новобрачных ехали на оленях остяки, за ни-

ЛАСЛЕНИЦА

ми новгородцы на паре козлов, малороссы на волах, чухонцы на ослах, татары на жирных свиньях, камчадалы на собаках, за ними белорусы, зыряне и т. д. Всех до 150 костюмов разных племен.

По воле Государыни поезд сделал два оборота по Луговой улице (теперь Миллионная) и потянулся к манежу Бирона, где был приготовлен обед для молодых и гостей на 300 кувертов. Гости встретили музыкой и посадили всех за стол, причем каждому представителю нации было подано его национальное блюдо. Императрица с блестящей свитой расположилась на возвышении. Когда все уселись, Тредьяковский громко прочел свои стихи.

После обеда начались пляски, столь же разнообразные, как разнообразен был состав гостей... Затем молодая чета была отправлена в ледяной дом, где провела все время до утра. У дверей стоял караул, чтобы молодые не ушли ранее из своей холодной опочивальни».

По свидетельству Штелина, Анна Иоанновна собирала также у себя на Масленице гвардейских солдат с их женами, которые тешились русскими плясками и разными другими народными забавами.

Впоследствии с увеличением числа гуляющей и катающейся публики балаганы в начале царствования Елизаветы Петровны были переведены на Брумбергскую площадь, где в 1783 году построен Большой театр, подаренный теперь его императорским величеством в бозе почившим императором Александром III Санкт-Петербургской консерватории, на нем в последний день Масленицы, 27 февраля 1810 года, был дан первый утренний спектакль, после чего они и вошли в моду.

С открытием Большого театра балаганы перенесли с Брумбергской площади, получившей свое название по имени иностранца Брумберга, имевшего вблизи (на месте тюремного замка) пильные мельницы, т. е. лесо-

пильный завод, на Адмиралтейскую площадь. Покойный академик Я. Грот в примечаниях к стихотворению Державина «На рождение царицы Гремиславы» (написанному для Льва Александровича Нарышкина, обер-шталмейстера Екатерины II) говорит, что качели всегда строились перед домом Нарышкина (теперь дом Мятлева, против Исаакиевского собора), чрезвычайно любившего смотреть из своих окон, как веселится народ. Когда же хотели поставить балаганы на другое место, то Нарышкин огорчился и просил отменить распоряжение. Императрица Екатерина, хотя называла в своих записках Нарышкина «прирожденным арлекином» и «бесхарактерным», но она высоко ценила его «комический талант», и он всегда пользовался ее благосклонностью.

Катание с гор любила Екатерина II, и в Петербурге славились Охтенские горы, куда государыня ездила в сопровождении двора;

этого обычая держались даже император Павел Петрович с Марией Федоровной, что видно из поденных придворных записок. По приказанию Екатерины II, в Царском Селе и Ораниенбауме были построены даже горы на лето, с которых катались в особых колясочках. В Ораниенбауме до сих пор существует место, где находились эти горы. Оно называется «катальная горка», хотя самой горы давным-давно уже не существует, а в селе Грузине, принадлежавшем графу Аракчееву, почему-то долго хранится одна из колясочек катальных гор.

Один раз такое катание с горы в Царском Селе едва не явилось причиной смерти императрицы Екатерины II. Когда она катилась с высокой деревянной горы, то медное колесо выскочило из желоба, или колеи. Стоявший сзади колясочки на запятках силач граф Алексей Григорьевич Орлов на всем раскате опустил ногу на ту сторону, куда накренилась

МАСЛЕНИЦА

уже колясочка, а рукой схватился за барьер горы и таким образом на бегу удержал повозку и тем спас жизнь государыни. Этот подвиг графа А. Г. Орлова воспет Державиным в стихотворении «Афинейскому витязю», как поэт назвал графа Орлова за его красоту, атлетическую силу и ловкость:

*...КАК В ГРОМЕ
ОН КОЛЕСНИЦЕ С ГОР БЕДРОЙ
СВОЕЙ ПРЕПНУВ СКЛОНЕНЬЕ,
ЛИНЕРКУ УДЕРЖАЛ В ПАДЕНЬЕ.*

Кроме катания с гор, императрица Екатерина II еще в молодости установила особое катание на Масленице в Чесменский дворец, находившийся в нескольких верстах от Петербурга, где теперь помещается Чесменский инвалидный дом, устроенный в этом дворце императором Николаем I. Это катание было чрезвычайно своеобразно: к большим саням,

запряженным двенадцатью одномастными лошадьми, привязывались на двойных канатах по несколько пар маленьких саночек, на которых мог поместиться только кавалер с дамой, доставшейся по жребию; при поворотах санки опрокидывались, и смеху было тут немало.

Любопытен рассказ в дневнике А. В. Храповицкого (запись 25 октября 1792 года), бывшего статс-секретарем Екатерины II, о том, как государыня, разговаривая с ним о даче Убри, где он жил, сказала, «что в этом доме она была в 1766 году, на Масленой у Петра Богдановича Пассека, помнит столовую в пять окон и как сейчас видит, как граф Александр Сергеевич Строганов проехал в маскарадном платье, причем кучер его был одет арлекином». Каков был костюм графа и вид его экипажа, можно судить по тому, что граф А. С. Строганов был одним из самых богатых вельмож екатерининского двора и большой знаток и любитель художеств,

МАСЛЕНИЦА

за что впоследствии и был сделан президентом Императорской академии художеств.

Императрица Екатерина II очень любила графа Строганова, называла его Мадот и в одной из своих комедий вывела его под именем Сам-Блин. Вообще, Масленица в Петербурге в прошлом столетии была действительным карнавалом. В записках Порошина, воспитателя Павла Петровича, находится следующее описание Масленой 1765 года.

В первый день в придворном театре дан был спектакль, который Порошин называет «дворянскою комедией», так как в пьесе «Мнимый больной» все роли исполняли вельможи, причем он их перечисляет поименно. На второй день давали для публики французскую комедию; на третий — состоялся маскарад у графа П. В. Шереметьева, на котором присутствовала и императрица. На четвертый день «Дворянская комедия» была повторена; а на пятый — были разосланы от двора повестки,

приглашавшие приезжать на спектакль в маскарадном платье и оттуда ехать, кто хочет, в маскарад к Локателли, в старый деревянный дворец (на месте его стоит теперь Михайловский инженерный замок, бывший дворец Павла I, который и родился в упомянутом деревянном дворце).

Этому маскараду назначено было продолжаться с вечера пятницы до утра Прощеного воскресенья, т. е. целых полтора дня. Императрица Екатерина II приехала в маскарад в мужском домино кофейного цвета и ходила под руку с Григорием Григорьевичем Орловым и фрейлиной Анной Васильевной Паниной. Государыня два раза кланялась Порошину и, наконец, подозвав его к себе, более получаса с ним шутила, не показывая вида, кто она.

На этом маскараде присутствовал приехавший в тот год авантюрист Казанова, который в своих записках говорит: «Я взял билет у хозяина моей квартиры и побежал на бал-

маскарад, на который было приглашено шесть тысяч человек. Общество собралось уже все, и танцы были в самом разгаре. В некоторых покоях помещались буфеты внушительной наружности, ломившиеся под тяжестью съедобных вещей, которых достало бы для насыщения самых дюжих appetитов. Вся обстановка бала представляла зрелище причудливой роскоши в убранстве комнат и нарядах гостей; общий вид был великолепный. Любуясь им, я вдруг услышал случайно чьи-то слова: “Посмотрите, вот Императрица; она думает, что ее никто не узнает; но погодите, ее скоро все различат по ее неотступному спутнику Орлову”».

Надо заметить, что императрица Екатерина II любила, замаскировавшись, явиться инкогнито. Так, в своих записках Энгельгардт сообщает, что в сопровождении А. Д. Ланского, статс-дамы графини Браницкой и камерфрейлины Протасовой Екатерина посещала даже частные маскарады, куда приезжала

в чужой карете и всячески старалась скрыть себя, но полиция всегда узнавала императрицу и ее свиту. Многие не догадывались или нарочно шутили и прыгали перед ней, что ей очень нравилось, но зато приходилось подчас выносить и давку.

«Однажды, — говорит П. Сумароков, составитель “Обозрения царствования и свойств Екатерины Великой”, — Императрица села подле знакомой г-жи Д-ской, которую очень жаловала и допускала к себе в кабинет; Государыня, переменив голос, вступила с ней в разговор и долго ее интриговала. Потеряв терпение, г-жа Д-ская отдернула маску и сильно смутилась своим открытием. Императрица тоже не менее была удивлена дерзким поступком:

— Что вы сделали? Маска неприкосновенна! Вы нарушили права благопристойности! — проговорила Екатерина; затем встала и тотчас же уехала из маскарада, а смелая дама навсегда потеряла благоволение Государыни».

МАСЛЕНИЦА

Впоследствии на придворные маскарады в Зимний дворец раздавалось жителям Петербурга до 20 000 билетов. В придворных маскарадах Масленой 1830 года, данных для императора Николая Павловича великой княгиней Еленой Павловной, принимали, по просьбе ее императорского высочества участие А. С. Пушкин и И. А. Крылов; последний явился наряженным Талией и произнес государю и императрице следующие стихи:

*ПРО ДЕВУШКУ ИДЕТ ХУДАЯ СЛАВА,
ЧТО БУДТО Я ВЕСЬМА ДУРНОГО ПРАВА,
И, БУДТО, ВСЯ МОЯ ЗАБАВА —
РАСЦЕНИВАТЬ ЛЮДЕЙ И НА СМЕХ ПОДНИМАТЬ.
КОЛЬ ПРАВДУ ГОВОРИТЬ, МОЛКА ТАКАЯ ПРАВА:
ЛЮБЛЮ, ГДЕ СЛУЧАЙ ЕСТЬ, ПОРОКИ ПОЩИНАТЬ.
ВСЕ ЛУЧШЕ ТАКИ ИХ НЕМНОЖКО УНИМАТЬ!
ОДНАКО Ж ЗАНЕСЬ, Я, СКОЛЬКО НИ ГЛАДЕЛА,
ПРИДРАТЬСЯ НЕ К ЧЕМУ, А ЭТО ЖАЛЬ — БЕЗ ДЕЛА
Я, ПРАВО, УЖ БОЮСЬ, ЧТОБВ НЕ ПОТОЛСТЕЛА.*

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

КАКОЕ Ж ДИВО В ТОМ?

ДЛЯ ДОБРЫХ ТОЛЬКО ВАШ ГОСТЕПРИИМЛИВЫЙ ДОМ,

И ВВ ОДНИИ СВОИИ НЕБЕСНЫИ ВЗОРОМ,

ПРОЧЬ ГОНИТЕ ПОРОК СО ВСЕИ ЕГО ПРИБОРОМ.

ТАК, ВИЖУ ТОЛЬКО Я ЗДЕСЬ

РЕЗВОСТЬ, ПГРВ, СМЕХ.

А ЭТО НЕ ПОРОК, СПРОСИТЕ ХОТЬ У ВСЕХ.

К ЧЕМУ Ж МНЕ ПОПУСТУ НА ССОРУ НАКУПАТЬСЯ

И ЗАВЕ ИСПУСКАТЬ СТИХИ?

НЕТ, НЕТ, ПОРА УНЯТЬСЯ,

А ТО ПРИДЕТСЯ РЕК МНЕ В ДЕВУШКАХ ОСТАТЬСЯ.

БРЮЗЖААА Я, ТЕПЕРЬ ХОЧУ ПОЛЮБОВАТЬСЯ,

ЧТО ЕСТЬ ЗАВИДНАЯ СЕМЬЯ,

ВЕЛИКАЯ И СЛАВОЮ, И ВЛАСТЬЮ,

И В НЕЙ ПРИЮТ СЕМЕЙСТВЕННОМУ СЧАСТЬЮ...

ТАК, НА НЕЕ ЛЮБУЯСЬ, Я

ЖИВУЩИИ В ХИЖИНЕ СКАЗАЛА Б СПРАВЕДЛИВО:

ЖИВИТЕ, КАК ЖИВУТ В СЕМЬЕ ПРЕКРАСНОЙ СЕЙ,

И ДАЖЕ В ХИЖИНЕ СВОЕЙ

ВВ РАЙ УВИДИТЕ И БУДЕТЕ СЧАСТЛИВЫ.

МАСЛЕНИЦА

В этом же маскараде А. С. Пушкин представлял Циклопа и произнес такое шестистишие:

**АЗ ВК И УМ ТЕРЯЯ РАЗОМ,
ГЛЯЖУ НА ВАС ЕДИНВМ ГЛАЗОМ:
ЕДИНВЙ ГЛАЗ В ГЛАВЕ МОЕЙ.
КОГДА Б СУДЬБЕ ТОГО ХОТЕЛИ,
КОГДА Б ИМЕЛ Я СТО ОЧЕЙ,
НО ВСЕ БВ СТО НА ВАС ГЛЯДЕЛИ.**

В придворном маскараде, данном на Масленой 1836 года, И. А. Крылов представлял кравчего в русском кафтане, шитом золотом, с подвязной серебристой бородой, одетый и загримированный известным того времени трагиком В. А. Каратыгиным; он прочел августейшим хозяевам последнюю свою басню «Вельможа», написанную им в 1836 году, за которую их величества изъявили ему свое удовольствие.

Для народных гуляний строились балаганы, карусели, перекидные качели и горы, а вокруг всего гулянья, по примеру Москвы, было экипажное катание богатой публики. Тут купцы показывали друг другу своих чистокровных рысаков, свои дорогие шубы, жен и дочерей. Теперь это выводится из моды, и только катание институток в придворных каретах напоминает о прежнем великолепии экипажного катания.

С празднованием Масленицы соединены кулачные бои, которые бывали и в Петербурге, на Неве, еще в 1840-х годах между охтянами — с одного берега, и нижними чинами — с другого. Начинаясь бой мальчиками и кантонистами аракчеевских казарм, а к ним потом присоединялись и взрослые. Есть предание о том, что силач граф А. Г. Орлов хаживал в кулачный бой. В народе долго и упорно держался рассказ о том, что выпущенные при Екатерине II медные рубли (диаметром

ЛАСЛЕНИЦА

в $1\frac{1}{4}$ вершка и толщиной $\frac{1}{2}$ вершка) были изъяты из употребления, так как ими на кулачных боях было много убито людей.

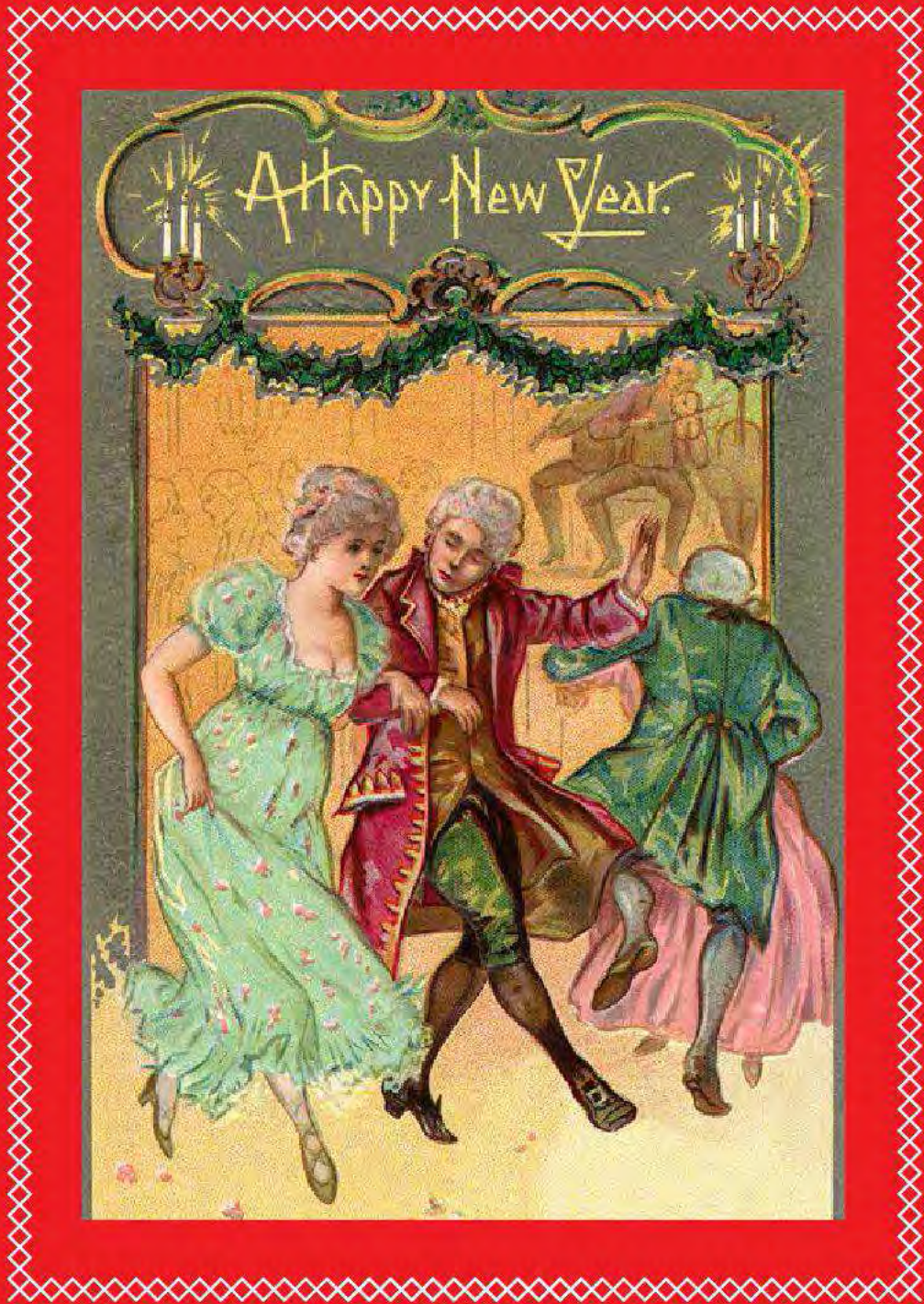
В Прощеное воскресенье 1837 года стоял на Адмиралтейской площади балаган Лемана, и в нем много народа задохнулось от дыма. После пожара 1872 года балаганы перенесли на Марсово поле, или Царицын луг, а на Адмиралтейской площади разбили Александровский сад, украшающий теперь столицу. Место же на Царицыном лугу, отведенное для балаганов еще Петром Великим, было избрано для отправления различных праздников в стоявшем там почтовом доме, который вместе с тем являлся единственной в то время гостиницей для приезжающих в Петербург. Близ этого двора находился зверинец, где помещался слон и происходила травля медведей в присутствии многочисленных зрителей.

Горели балаганы и перемещались с одного места на другое, но всегда и везде публика

и преимущественно простой народ с большим наслаждением шел к ним поглазеть на старинные и многовечные проказы арлекина, или попросту паяца.

Да, любопытна и небезынтересна роль этого древнейшего потешника многих поколений и народов. Тип этого балаганного полишинеля происходит от Маккуса, который никогда не участвовал в комедии, а ограничивался особенным родом существовавших в древности драматических представлений, называвшихся «ателланами». В 1727 году в Риме найденная бронзовая статуя подтверждает существование Маккуса и полишинеля. Маккус отличался двумя огромными горбами, носом, выгнутым наподобие клюва хищной птицы, и полосатой обувью. На лице Маккуса — насмешка и злость; два серебряных шарика по углам рта увеличивают ее и придают всей физиономии какое-то пошлое выражение, чего незаметно в полишинеле.

А мы, со своей стороны, отодвигаем даже древность самого Маккуса и приписываем происхождение его от мифического Момуса, древнего бога шутки и насмешки, сына сна и неги. Момус изображался снимающим маску с какого-то лица и со щелкушкой в руке. Наскучив его насмешками, боги согнали его с Олимпа. И вот он, бедняга, прогнанный оттуда, подобно парнасскому ослу, приютился в виде арлекина с лицом, закрытым похищенной маской, и со щелкушкой в балаганах.

По изысканиям же ученых господ Мепаж и Раккобони, тип арлекина существовал также у римлян. Акторов, исполнявших эту роль, называли планипедами. Название это получили они потому, что являлись на сцену с босыми ногами. Арлекин и теперь носит самую легкую обувь; голова его, подобно планипедам, выбрита, а костюм не что иное, как самое пестрое собрание всевозможных лоскутьев.

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

Арлекин родом ломбардец из города Бергамо. До XVII века это был бедный слуга бедного господина, принужденный для своей одежды выпрашивать у соседей лохмотья. Доминик, который наследовал в этой роли Травелину, передал ее совершенно. С его времени арлекин становится умником, плутом, хитрецом и остряком, и таким остается он и поныне. Преобразование это имело невыгодные последствия; оно породило недостаток в составе действующих лиц, так сказать, пробел в характерах, уничтожив личность простака. Тогда-то во Франции некто Сюретон и решился преобразовать костюм неаполитанского полишинеля в костюме Пьеро и в этой новой оболочке воскресить арлекина-простака — лицо, необходимое в каждом фарсе или арлекиnade, которые до сих пор, к сожалению, еще живут в наших балаганах за неимением чисто народных пьес.

ГЛОССАРИЙ

ГЛОССАРИЙ

АВСЕНЬ — в славянской мифологии бог смены времен года, покровитель пастухов. Этот персонаж часто упоминается в колядках, распеваемых во время праздника на стыке Старого и Нового года, также называемого Авсень. В большинстве известных колядных песен имя Авсень и его варианты употребляются преимущественно как восклицания-междометия, уже лишенные своего первоначального смысла. Авсень связан с животными, олицетворяющими плодородие и богатство: конем, коровой, козой и другими.

АЛТЫН (от тат. алтын — «золото») — старинная русская мелкая монета, а также единица денежного счета. Первоначально равнялась

6 московским или 3 новгородским деньгам. Последняя позднее получила наименование копейки.

ДМВОН (от греч. μ — «возвышение») — специальное сооружение в христианском храме, предназначенное для чтения Священного Писания, пения или возглашения некоторых богослужебных текстов, произнесения проповедей.

ДРШИН — старорусская единица измерения длины, равная примерно 72 сантиметрам.

ВЕРШОК — старорусская единица измерения, первоначально равнялась длине основной фаланги указательного пальца, что составляет примерно 4,5 сантиметра.

ВИЗИГА — очищенная спинная струна, извлеченная из хрящевого позвоночника осетровой

рыбы. Визигу освобождают от внутреннего содержимого (так называемого скрипа), сушат на воздухе, вяжут в плетеные пучки и в таком виде пускают в продажу. Визига содержит до 40% клеевых веществ. Издавна славятся пироги с визигой, расстегаи и кулебяка с визигой.

ВИШНЕВКА — вишневая наливка или водка, настоянная на вишне.

ГАЙДУК (от венг. hajdu) — лакей высокого роста, который ездил на запятках или верхом возле в венгерской, гусарской или казачьей одежде.

ГАЛУН (от франц. galon) — плотная лента или тесьма разных цветов, вырабатываемая из хлопчато-бумажной пряжи, шелка, часто с золотой, серебряной нитью или мишурой. Используется для изготовления знаков различия на форменную одежду.

ДЕЙСТВО МНОГОЛЕТНЯ (действие многолетнего здоровья) — церковное служение и крестный ход в Кремле, в Успенском соборе и на площадке между ним и Архангельским собором. Они совершались в Рождественский и Богоявленский сочельники, в Сборное воскресенье и 1 сентября, с которого до 1700 года начинался очередной год.

ДЕНЬГА (от тюрк. *taḡka* — «монета») — собирательное название древнерусских серебряных монет. Отсюда же происходит современный термин «деньги».

ЕКТЕНИЯ (греч. *λυ* — «распространение, протяжное моление») — название последовательности молитвенных прошений. Одна из главных составных частей богослужения, входит в состав большей части богослужений в православной церкви.

ЗОЛОТАЯ ПАЛАТА — дворцовая постройка XVI века в Московском Кремле. Свое название получила после того, как в конце XVI века стены Царицыной палаты расписали золотом.

ИЕРИХОНСКАЯ РОЗА — название нескольких видов однолетних пустынных растений, высыхающих после созревания семян и образующих небольшие шары, которые отламываются от корня и перекатываются ветром (перекатиполе). При погружении в воду роза Иерихона имеет особенность распускаться, превращаясь в зеленое растение. Этому растению, привозимому в Россию из Палестины, приписывали чудодейственные свойства (например, помощь при родах).

НОРДАНЬ — прорубь обычно крестообразной формы, вырубаемая во льду в праздник

Крещения Господня для совершения обряда водоосвящения. Название крещенской проруби происходит от имени реки Иордан, в которой крестился Иисус Христос.

КАНОН — церковная песнь в похвалу праздника или святого, основанная на точной имитации: голоса вступают поочередно с той же темой.

КАНТОНИСТЫ — несовершеннолетние сыновья нижних воинских чинов, которые образовали сословие лиц, принадлежащих со дня рождения к военному ведомству и в силу своего происхождения обязанных военной службой.

КЕЛДРЬ — должностное лицо в православном монастыре, заведовавшее монастырскими кельями, их устройством, размещением в них монахов, а также монастырским сто-

лом, кладовой со съестными припасами и их отпуском на монастырскую кухню.

КЛЮЧАРЬ — в православной церкви наименование священника соборного и кафедрального храмов, служащего заместителем настоятеля. Ключарь заведует церковной утварью, хранит ключи от храма и наблюдает за порядком совершения богослужения.

КОЛИКО — вареная пшеница (или иной злак), подслащенная медом или сахаром, которая благословляется в церкви.

КОЛОДНИК — арестант, закованный в колодки или в кандалы.

«КОРМЧАЯ КНИГА» — сборники церковных и светских законов, являвшихся руководством при управлении церковью и в церковном суде православных славянских стран.

КОСТРОМА — соломенная фигура богини плодородия, олицетворяющей весну и начало страды.

КОТЫ — просторная зимняя или домашняя обувь из войлока или сукна в виде коротких сапожек.

КРАВЧИЙ — придворный чин и почетная должность в Московском государстве, на которую назначались члены наиболее знатных фамилий. Он служил государю за столом при торжественных обедах. В его ведении были стольники, подававшие блюда. Также на кравчего возлагалась обязанность рассылать в торжественные дни кушанья и напитки с царского стола на дом боярам и другим чинам.

ЛАБАЗ — хозяйственное строение, обычно лавка или продуктовый склад.

МАХОНОСКА — мешок для собирания подарков.

МУРАВИТЬ — покрывать муравой (глазурью зеленого цвета) глиняную посуду или изразцы.

МЯСОЕД — период времени между постами, когда, по православному церковному уставу, разрешена мясная и молочная пища.

МЯСОПУСТ — масленичная неделя, предшествующая Великому посту, во все дни которой едят всякую пищу, кроме мясной.

НАВЕЧЕРИЕ (сочельник) — канун праздников Рождества Христова и Богоявления. Значению дня как наивысшей ступени в подготовке к празднику соответствует особая строгость поста. Вкушение пищи разрешается один раз в день, после вечерни.

ПАЛОЙ — род пюпитра, употребляемого при богослужении в православной церкви. Обычно он покрыт облачением из той же материи, из какой сделаны ризы священнослужителей.

НЕДЕЛЯ СВЯТЫХ ПРАТОЦ — неделя перед Рождеством, которая завершается в воскресенье, предшествующее Рождеству. В это время Церковь прославляет тех ветхозаветных праведников, от которых по плоти родился Иисус Христос.

ОСЕРДИЕ — внутренности животного (печень, сердце, легкие), идущие в пищу.

ОСТАКИ — финно-угорское племя, жившее по берегам Оби, Иртыша и их притоков.

ПАНИКАДИЛО (от греч. Π λ ε — «многосвечие») — центральная люстра, све-

тильник, располагающийся в центральном куполе православного храма, со множеством свечей или лампад. Оно зажигается в самые торжественные моменты богослужения. Множеством огней паникадило символически означает Небесную Церковь как созвездие, собрание людей, освященных благодатью Святого Духа, горящих огнем любви к Богу.

ПАРТАЗАН — род копья на трехаршинном древке с двумя серповидными отрогами.

ПЕЊНИК — крепкое хлебное вино.

ПЕСЕЛЬНИК — певец, исполнитель песен, участник хора.

ПЕЩНОЕ ДЕЙСТВО (чин воспоминания сожжения трех отроков) — название древнего русского церковного обряда, совершавшегося в Неделю Святых Праотец. Действо изобража-

ло историю чудесного спасения трех отроков: Анании, Азарии и Мисаила — из огненной печи. Этот обычай пришел на Русь из Византии.

ПОЕЗЖАНЕ — участники свадебного поезда. Такой способ передвижения воплощает и сакрализацию молодых, их уподобление князьям, и осмысление дороги в свадьбе как дальнего и трудного пути.

ПОЗВАТКА — вдовая старуха, которая руководила у славян обрядами при празднике, в том числе через них хозяева того или иного дома приглашали к себе друзей, родственников и соседей в гости на масленичной неделе.

ПОЛТЬ — полтуши мяса.

ПОМЕЛЁЧКО — палка, обмотанная на конце тряпкой для обметания, или метла.

ПОСТЕЛЬНИЧИЙ — придворный чин в России, ведал постельной казной, внутренним распорядком великокняжеских покоев, мастерской палатой, в которой шили белье и платье для царя и членов его семьи, а также управлял слободами дворцовых ткачей. Постельничий хранил личную печать царя и часто возглавлял его канцелярию. Входил в число особо приближенных советников государя.

ПОТЁШНИК — человек, который веселит публику, скоморох.

ПРАВЁЖ — в древнерусском судопроизводстве битье палками несостоятельного должника как средство принуждения к уплате долга.

РАДОНИЦА — день особого всецерковного поминовения усопших в Русской православной церкви. Совершается на девятый день после Пасхи, чтобы разделить радость

Христова воскресения с родными и близкими, умершими в надежде на воскресение и вечную жизнь. По традиции, во время Радоницы совершались трапезы на могилах родителей и близких родственников.

РОМАНЕЯ — привозившееся из-за границы виноградное вино высокого качества.

РУНДУК — большой ларь с поднимающейся крышкой.

СИНКЛИТ — полное собрание избранных или высокопоставленных лиц.

СКОРОМЬ — пища, запрещенная к употреблению церковными правилами во время постов.

СЛОКОВНИЦА — хорошо известное дерево, которыми в древности изобиловала Иудея и на которое делаются нередко указания в Священ-

ном Писании. Одно из особенных свойств смоковничного дерева состоит в том, что плод является на нем без всякого признака цветения и даже прежде листьев. Плоды смоквы употреблялись в пищу, а также признавались полезными при врачевании различных болезней.

СОЛНЦЕВОРОТ — древнерусское название солнцестояния. Соответствовал моменту «поворота» Солнца на прибыль или на убыль дня.

СТИХАРЬ — одно из облачений священнослужителей при богослужении, представляет собой прямую длинную одежду с широкими рукавами, разрезанную с боков и соединенную пуговицами.

СТИХЕРА — песнопение для заутрени и вечерни в православной церкви, в котором проводится тема дня или воспоминаемого события.

«СТОГЛАВ» — сборник постановлений Стоглавого собора 1551 года. Книга была разделена в подражание «Судебнику» Ивана Грозного на сто глав, откуда ее заглавие.

СТОЛЬНИК — чин придворного, в обязанности которого входило прислуживать за столом во время пиров и выполнять личные поручения царя. В стольниках начинали службу практически все представители аристократических родов, впоследствии продвигавшиеся до боярских чинов, а также служили незнатные дворяне, для которых чин стольника был вершиной карьеры.

ТИТЛО — представление с названием титулов и званий.

ТОРБАНИСТ — музыкант, играющий на торбане (народный струнный щипковый музыкальный инструмент из семейства лютневых).

ТРИЗНА — часть языческого погребального обряда у восточных славян, которая состояла из песен, плясок, пиршества и военных состязаний в честь покойного. Тризна совершалась рядом с местом погребения перед сожжением покойника. Позже этот термин употреблялся как синоним обряда поминок.

ТУКЛИЧИ (салма) — вятская лапша, основой которой являются взятые в равных частях пшеничная и гороховая мука. Они стали русским блюдом с XVI века, после покорения Казанского ханства и входившего в его состав Булгарского государства.

ФЕБРУАЛИИ — римские праздники очищения от грехов, совершавшиеся в честь бога Фебруса.

ФИЛИППОВКИ — просторечное название Рождественского поста у православных,

КАК ПРАЗДНОВАЛ И ПРАЗДНУЕТ НАРОД РУССКИЙ

который начинается после дня святого апостола Филиппа.

ХАНУКА — в иудаизме праздник, установленный Иудой Маккавеем в память освящения алтаря (очищения храма) после освобождения Иерусалима от Селевкидов в 164 году до нашей эры.

ШЕСТВИЕ НА ОСЛЯТИ — православный обряд, совершавшийся в праздник Вербного Воскресенья и символизировавший вход Господень в Иерусалим, т. е. въезд Иисуса Христа на осле.

ШТИ (щи) — русская капустная похлебка.

ЩЕЛКУШКА — детская игрушка, издающая щелкающие звуки.